

18+

Александра Грашкина

**Три
закона
ЖИЗНИ**

Александра Грашкина

Три закона жизни

«Издательские решения»

Грашкина А.

Три закона жизни / А. Грашкина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980113-5

Роман будет интересен и тем, кто скучает по старой доброй классике с глубоким смыслом, и любителям легкого жанра и приключений. На третий день проживания в племени главный герой встречает настоящую любовь и обретает злейшего врага. Только благодаря помощи новых друзей ему удастся распутать сложные интриги и прийти к власти. Героям предстоит пройти через дружбу и предательство, любовь и ненависть, счастье и разочарование. Когда испытания позади, наступает неожиданная развязка...

ISBN 978-5-44-980113-5

© Грашкина А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая «Личная неприязнь»	6
Часть вторая «Политическая борьба»	25
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Три закона жизни Александра Грашкина

© Александра Грашкина, 2020

ISBN 978-5-4498-0113-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая «Личная неприязнь»

«И вечный бой! Покой нам только снится...»

А. Блок

Факелы горели ярко, множество свечей отбрасывали неровный свет на стены просторной пещеры. Торжественная обстановка немного смутила Перси, но он сразу взял себя в руки – наступил день, о котором он давно мечтал. Сегодня он наконец скажет то, что давно готово слететь с его губ – великие слова!

Пещера уже заполнилась людьми. Все члены племени стояли по краям, а в центре рядом с большим факелом стоял вождь. Он ждал Перси, который с невольным трепетом в сердце приближался к нему. Перси видел устремленные на него глаза: завистливые, удивленные, ободряющие, сомневающиеся – тысячи лиц, рассматривающих его с интересом. Он был здесь новичком, его плохо знали, поэтому к тому, что его выделяли, относились с недоверием. Перси также не слишком хорошо знал обычаи этого племени, но, сравнивая их с традициями своего, не мог не признать их более гуманными и менее жестокими. Перси привык к безусловному подчинению, грубости и постоянному контролю, от которого всегда мечтал избавиться. Здесь же поощрялся усердный труд и послушание, хороших работников переводили на другие должности, как получилось и в его случае. Перси всего три дня работал в самой низкой должности – кладовщиком, но его труд и способности оценили по достоинству и перевели в инженерный корпус, а за прилежное поведение дали право выбрать любую девушку, чтобы назвать ее своей женой. Перси уже решил, кому предложит руку и сердце, и с нетерпением ждал начала церемонии.

Перси бросил быстрый взгляд в зал, туда, где стояла в тени его возлюбленная, потом перевел глаза на предводителя племени. Вождь ждал, когда люди успокоятся и будут готовы его слушать. Лицо Монтесумы оставалось очень спокойным, ни малейших признаков волнения или других эмоций нельзя было заметить. Он отвернулся от факелов, светивших ему в лицо, и заговорил:

– Итак, я хочу представить вам отличного работника, талантливого человека, чьи заслуги сегодня получают награду. За свой похвальный результат Перси получит право сейчас выбрать спутницу жизни. Готовы ли Вы сделать свой выбор?

Монтесума обернулся к Перси, и тот почувствовал, как у него сильнее забилося сердце. С первой минуты своего пребывания в новом племени он ощущал необъяснимый трепет при виде стройной, тихой, редко улыбающейся девушки, совсем еще юной на вид. Перси догадывался, что девушка отвечает ему взаимностью, но не мог поговорить с ней.

Оставалось лишь надеяться на удачу, и, стараясь выглядеть как можно более безразличным, Перси ответил:

– Я предлагаю ей руку и сердце и обещаю быть ей неизменно верным. Я выбираю Нинисель!

Произнеся заветные слова, Перси быстро взглянул в тень. Нинисель вышла из толпы, грациозная, как лебедь, и приблизилась к нему.

– Я согласна, – улыбнулась она.

Как сладок сей миг торжества! Оглушенный словами возлюбленной, Перси не замечал больше ничего вокруг. Он взял ее за руку и повел туда, где в тени стояли члены племени, провел по кругу и вышел наружу. Церемония закончилась, и молодая пара, согласно обычаю, выходила на короткую прогулку.

Перси и Нинисель, держась за руки, гуляли по темному двору – территории племени. Они скрылись от любопытных взглядов за деревьями, укрытые вечерней мглой и густыми ветвями. Перси не мог говорить: так он был счастлив.

– Я всегда ждала этого дня, – задумчиво проронила Нинисель.

– А я верил, то он настанет, – подхватил Перси.

Они посидели на упавшем дереве, потом вернулись в пещеру. Перси ждал, пока Нинисель заберет свои вещи и перейдет к нему в комнату. Затем молодая пара миновала множество коридоров, и наконец они остановились у входа будто в нерешительности. Внезапно услышав шаги, Перси обернулся. Перед ним предстал высокий смуглый человек со спутанными черными волосами – Перси узнал Гольмия из инженерного корпуса, который весь вечер смотрел на него с нескрываемой ненавистью. От удивления Перси на время потерял дар речи. Гольмий насмешливо улыбался.

– Гм, Перси, ты думаешь, твое счастье теперь надежно и вечно? Удача новичка. Я превращу твою жизнь в ад, можешь не сомневаться.

– Зачем ты подсматриваешь за нами? – Пораженный, Перси не мог подобрать нужных слов.

– Жаловаться идешь? Любимчик Монтесумы, берегись же!

Плюнув, Гольмий ушел. Перси хотел было бежать за ним, но Нинисель удержала его.

– Успокойся, Перси, пойдем в комнату. Он сразу возненавидел тебя, но сейчас забудь о нем. Мы с тобой вместе и счастливы – этого довольно.

И Перси последовал за женой, полный мрачных раздумий. Светлый день омрачился, и настроение окончательно испортилось. Так, за один вечер на третий день проживания в новом племени он обрел подругу жизни и заклятого врага.

Однообразная работа очень быстро утомляла Перси. Он сразу возненавидел кропотливый труд рабочего, мастеровившего детали или ремонтировавшего сломанное оборудование. Теперь Перси изо всех сил старался перевыполнить норму, чтобы скорее получить желанное повышение.

На пятый день за один стол с Перси сел завтракать незнакомый ученый. Он представился как Лютеций и вкратце объяснил, что работает в научной сфере в высших кругах. Перси был заинтригован: что заставило такого умного высокопоставленного человека обратить на него внимание? Лютеций назвался его доброжелателем.

– Вы просто понравились мне, Перси, будем друзьями.

Перси не отказался: новый знакомый произвел на него самое благоприятное впечатление.

Через несколько дней заслуги Перси снова оценили, и он получил должность секретаря.

Стемнело, становилось прохладно. Элизабет продрогла и пожалела, что не взяла с собой накидку. Она плохо представляла, куда идет, но полностью полагалась на странного спутника, который уверенно вел ее в темноту. Элизабет знала лишь его имя – Гольмий; после ужина он взял ее под руку и велел следовать за ним, а теперь вводил куда-то в лес, далеко от пещеры, так и не дав объяснений. Элизабет доверилась ему интуитивно, как привыкла доверяться незнакомым мужчинам, и уже минут десять шла за своим новым другом в неизвестность.

Элизабет не ощущала ни малейшего беспокойства, хотя догадывалась, зачем он позвал ее. Она называла себя жертвой обстоятельств, почти рабыней Гольмия, хотя в глубине души понимала, что принимает добровольное решение. Все это, однако, не было для нее новым – а по-настоящему страшна лишь полная неизвестность.

Пещера племени давно уже осталась позади, и они углубились в лес. За деревьями девушка увидела маленькую лачугу, похожую на нору – крошечная комнатка без мебели, на полу был расстелен грубый жесткий ковер, тусклый фонарь отбрасывал неровный свет на деревянные стены.

Гольмий знаком пригласил Элизабет войти, она осторожно ступила на ковер и присела. Гольмий закрыл дверь широкой деревянной панелью и сел напротив, пристально всматриваясь ей в глаза, и впервые Элизабет ощутила волнение и первобытный страх подчинения. Здесь, вдали от цивилизации, в густом лесу она снова превратилась в слабую беззащитную женщину, бессильную противостоять натиску природы. Теперь они с Гольмием могли быть связаны одними лишь первобытными инстинктами. Минуту или больше длилось молчание, потом Гольмий медленно заговорил:

– Элизабет, послушай меня внимательно. Я позвал тебя сюда... впрочем, ты догадываешься, зачем я тебя пригласил.

Элизабет кивнула. Жесткое лицо Гольмия казалось ей даже красивым. Игра начиналась, как обычно, и первобытный ужас отступил. Теперь она в его власти навсегда; осталось задать лишь один роковой вопрос...

– Элизабет, я тебя не держу здесь силой. Ты мне понравилась, конечно, но, как видишь, я на тебе не женюсь. Никогда. Ты нужна мне для развлечения в долгие сырые вечера. Никогда не жди от меня большего. Ну же?

– Я согласна, – прошептала Элизабет, чувствуя, как попадет в привычный круг. Но Гольмий еще не кончил.

– Это еще не все. Ни одна девушка прежде не соглашалась с такими условиями, какие я предлагаю тебе. Но мне бы не хотелось услышать отказ.

Элизабет вздрогнула; страхи и прежние подозрения вернулись к ней снова. Опять она пожалела, что осталась одна рядом с сильным и страшным человеком в диком лесу.

– Ты не будешь иметь детей. Не вздумай пытаться спрятать их в лесу или заявить о наших отношениях. Ты вольна поступать с младенцами как угодно, но я тебя предупредил.

Элизабет побледнела. Гольмий внимательно смотрел ей в глаза.

– Итак? Я тебя не принуждаю, ты вольна уйти прямо сейчас, – равнодушно бросил он.

Элизабет всю трясло. Она в ужасе подумала о том, что ее ждет, и все же бессильна была отказать. Как сквозь сон девушка услышала свой голос, прозвучавший так отстраненно, как чужой:

– Я согласна.

– Даже на таких условиях?

– Да...

Мир перевернулся в ее глазах. Когда они уходили, Элизабет хотелось кричать, а Гольмий испытывал мрачное удовлетворение при мысли, что теперь ему не придется страдать от одиночества и душевной пустоты.

Лютетий вошел в зал. За столами уже сидели многие члены племени, но он искал своего нового друга.

– Как твоя новая работа, Перси? – улыбнулся Лютетий, садясь за столик. – Секретарем работать интереснее?

– Да, но ненамного. Почему-то все, с кем бы я ни заговорил, советуют мне воспользоваться своим положением, хотя я не собираюсь искать ничего секретного.

Лютетий беззаботно рассмеялся.

– По правде говоря, секретарь вряд ли имеет доступ к важным договорам, актам или законам, так что воспользоваться своим положением тебе не удалось бы даже при желании.

Друзья продолжали оживленно беседовать, когда к ним вдруг подошел Монтесума.

– Извините, что прерываю вашу беседу. Перси, зайдите ко мне в кабинет после ужина.

Крайне удивленный, Перси с недоумением смотрел ему вслед.

– Надеюсь, ничего серьезного? – озабоченно спросил Лютетий.

– Пустяки, скорее всего, хочет предложить мне сменить работу. Честно говоря, мне уже надоело писать скучные бумажки, – махнул рукой Перси.

Перси медленно брел по коридору. Он хорошо знал дорогу, однако не торопился встретиться с вождем. Хотя Перси понимал, что бояться нечего, он переживал из-за предстоящей аудиенции намного больше, чем сказал Лютетию. Перси не хотел понапрасну волновать друга, однако приглашение в столь поздний час показалось ему несколько странным.

Перед тем как войти, Перси пригладил волосы, несколько раз глубоко вздохнул и, наконец, собравшись с духом, постучал в дверь.

Деревянная панель отодвинулась сразу, и вождь пригласил его войти. Перси нерешительно переступил порог кабинета. Монтесума знаком велел Перси сесть на стул напротив стола, закрыл дверь и долго молчал, его внимательный взгляд, казалось, проникал в душу. Наконец он заговорил:

– Перси, я достаточно хорошо узнал Вас за несколько недель, которые Вы провели в нашем племени. Я вижу, Вы не понимаете, к чему я клоню. Не изображайте святую невинность: я говорю об исчезнувших из стола важных документах – утром они лежали на своем месте, а теперь их там нет.

Перси продолжал молчать.

– Вы знали, где они хранятся. Сегодня утром Вы были в моем кабинете. Как видите, все говорит не в вашу пользу. Итак?

– Я ничего не трогал в Вашем столе, сэр, – Перси чувствовал, что звучит неубедительно. – Мне нет никакой выгоды брать их, сэр. Я не ребенок, чтобы так глупо шутить.

– Где лежал секретный протокол о неразглашении договора с племенем латтов...

Перси не слушал дальше. В отчаянии он думал только «не верит и не поверит».

«Не поверит словам оправдания, но не могу же я не знать, где лежат бумаги, которые я перекладывал в другое место сегодня утром?»

Монтесума не кричал, не требовал ответа, и Перси похолодел: «Значит, все уже давно решено. Он осудил меня».

С трудом Перси ответил почти машинально:

– В верхнем левом ящике стола...

Как сквозь сон он наблюдал, как Монтесума отпер дверь, позвал охрану, которая тотчас вывела его из кабинета, и услышал прощальный крик Монтесумы:

– В рудники на обработку металлов на неделю!

Перси пришел в себя, только оставшись один в камере. Он огляделся по сторонам: в комнате не было ничего, кроме простой жесткой кровати; из окна в комнату лился лунный свет, освещавший грубую келью. Перси присел на краешек кровати и стал вспоминать свой разговор с вождем, но мысли путались у него в голове, и он не пришел ни к каким выводам. «Произошла ошибка, вождь просто не разобрался в произошедшем, а я плохо оправдывался», – решил он наконец, однако таким объяснением не удовлетворился. Кроме того, он так и не решил, что же теперь предпринять.

Пока Перси мучительно размышлял, отворилась дверь, и к нему в камеру вошел охранник, который принес ему ужин.

– Что мне делать? – в отчаянии обратился он к охраннику.

– Прежде всего Вам следует поесть и выспаться. Не терзайтесь пустыми размышлениями понапрасну, а ложитесь спать. Сейчас это единственная разумная вещь, которую Вы можете сделать, а завтра Вас ждет трудный день.

Охранник поставил перед Перси еду и вышел.

Перси уснул не сразу и провел мучительную ночь. Он думал о Нинисель, которую не смог предупредить, о Лютетии, которого смело заверил, что ему ничего не угрожает, и о том, какое

впечатление он произвел на Монтесуму. Вглядываясь в ночную темноту, Перси гадал, что ожидает его, какое наказание может выдумать изощренный в жестокостях ум вождя племени.

Утром, едва рассвело, его разбудил охранник, поставил перед ним завтрак, затем велел идти в подвал рядом с пещерой. Перси послушно пересек двор, выходящий в лес, и свернул к подвалу: вниз вела длинная шаткая лестница. Перси уже знал, что где-то в глубине подвала находится шахта, где работают огромные страшные машины, созданные причудливой фантазией инженеров и ученых, воплощение могущества интеллекта современного человека. Он сам еще совсем недавно мастерил детали и составные части таких машин, но ничего не знал об их устройстве и работе.

Охранник передал Перси надсмотрщику.

– Эй ты, парень, иди сюда! Вот твой участок и твоя работа, к концу дня все должно быть выполнено. И не вздумай просить помощи у других заключенных, не то тебе несдобровать!

Он кратко объяснил Перси, что нужно делать, и вышел. Работа оказалась крайне тяжелой и утомительной, ее всегда отдавали заключенным, а в их отсутствие ее выполняли машины. Лучшим, что мог придумать жестокий человек, было заставить человека работать как машина! Через полчаса Перси совершенно выбился из сил; с трудом проработав целый день, он не выполнил и половины нормы.

– И это все, что ты сделал! – закричал надсмотрщик, осматривая скромные результаты каторжного труда. – Да ты совершенно не старался! Так знай, что в следующий раз получишь вдвое больше!

Он наотмашь ударил заключенного по лицу. Перси вздрогнул, но не произнес ни слова. Молча, совсем без сил, он вернулся в свою камеру и упал на кровать. От усталости он даже не сразу уснул, болело все тело, а при мысли о том, что ждало его в течение всей недели, ему становилось еще хуже. Едва Перси заснул легким поверхностным сном, как тотчас был разбужен и снова отведен на работу.

Работы и в самом деле стало вдвое больше, а сил оставалось все меньше. Надсмотрщик снова кричал и бил его, но Перси было уже все безразлично. Странное оцепенение охватило его. За второй день он не сделал и трети нормы, а на третий день вовсе не смог приняться за работу.

– Почему ты ничего не делаешь? – закричал надсмотрщик. – Притворяешься больным, бездельник! Меня не обманешь!

Лицо его, перекошенное от злости, теряло свои очертания, расплывалось и исчезало в наплывающем на глаза тумане. Надсмотрщик ударил его, Перси упал на землю и потерял сознание.

Когда Перси очнулся, было уже темно. В камере царил полумрак, лишь тусклая свеча отбрасывала неровный свет на потолок, и огонек плясал по стенам комнаты. Незнакомый человек склонился над ним.

– Лежите спокойно и не волнуйтесь. Вам скоро станет лучше.

– Кто Вы и что со мной случилось?

– Небольшое переутомление, непростая ведь у Вас работа. А я врач, меня зовут Мейтнерий.

Перси пытливо всматривался в лицо врача, пытаясь понять его оценку произошедшего, но врач смотрел на него равнодушно и доброжелательно, и Перси понял, что он видит в нем лишь пациента.

– Вы устали, я сейчас оставлю Вас, только ни о чем не переживайте и не волнуйтесь, в Вашем состоянии это вредно. Я навещу Вас завтра вечером.

– Я останусь в постели?

– Да, конечно, работать Вам сейчас нельзя.

Перси вздохнул с облегчением – хоть одна хорошая новость за день! Как только врач ушел, к Перси зашел охранник.

– Поешьте и отдохайте.

– Разве уже вечер?

– Да. Пора ужинать.

Оставшись один, Перси собирался подумать обо всем, но не успел – сон окутал его раньше, чем он успел это осознать.

Весь день Перси скучал. Вставать ему не разрешали, да и сил все равно не было, и он не мог ничем себя занять; обстановку камеры он уже знал наизусть, все события последних дней улеглись в памяти, но он так и не придумал, что делать и как оправдаться перед вождем. В нарушение всех правил охранник по имени Палладий, уже успевший сдружиться с Перси, несколько часов просидел у постели больного и, как умел, развлекал его беседой и рассказами о своей жизни. Он поведал Перси все, что знал о надсмотрщике и враче.

– Жестокий безжалостный человек с каменным сердцем, – сказал он о первом из них, – готов на любые крайние меры, чтобы в точности исполнить приказ. А врач, напротив, замечательный человек, очень добрый и отзывчивый. Уверен, он сделает все возможное, чтобы Вы дольше оставались в постели.

Вечером к больному пришел Мейтнерий.

– Очень хорошо, – сказал он, осмотрев Перси, – однако вставать Вам я категорически запрещаю, еще один день Вы должны провести в постели. Если завтра к вечеру Вам станет лучше, можно будет выйти на прогулку, но ни в коем случае не возвращаться к работе.

Перси обрадовался, увидев, что предсказание охранника действительно сбывается. Огорчало его лишь то, что еще один день предстоит невыносимо скучать. Однако на следующий день Палладий сообщил Перси о предстоящем визите Монтесумы, и тоску Перси как рукой сняло. Посещение вождя могло сулить ему большие перемены, как хорошие, так и дурные, и со временем Перси все ярче представлял возможный разговор и думал, что скажет наконец в свое оправдание. Около четырех часов дня Палладий оставил Перси наедине со своими страхами и смутными надеждами дожидаться прихода вождя.

Монтесума не опоздал. Он вошел уверенным шагом, не спросив разрешения, присел на краешек кровати и равнодушно спросил:

– Как Вы себя чувствуете? Мейтнерий описал Вас как тяжелобольного, и я решил проведать Вас сам.

– Неплохо, – ответил Перси.

– Мой долг – навещать больных и страдающих. Я не собираюсь принуждать Вас работать, теперь я и сам вижу, в каком Вы состоянии. Хочу Вас порадовать: раз сегодня Вам разрешили выходить, то знайте: во дворе Вас ожидают друг и жена. Они так настойчиво добивались свидания с Вами, что я решил разрешить.

– Спасибо, сэр, я действительно рад.

Перси тотчас позабыл о своем положении. Его искали, добивались встречи, он не оставлен! Да, Лютеций и Нинисель теперь – единственное его утешение.

– Я рад, что Вам стало лучше, поправляйтесь скорее. Идите же, друзья Вас ждут.

Перси не пришлось повторять дважды. Еще раз пробормотав слова благодарности, он бросился во двор. Друзья действительно ждали его. Нинисель шагнула ему на встречу и крепко обняла.

– Что с тобой случилось? Меня официально оповестили, что ты в тюрьме, но я так и не узнала, что произошло.

Перси кратко поведал им о случившемся.

– Странно, что Монтесума так ничего и не сказал тебе сегодня, – задумчиво произнес Лютеций. – Может, тебя скоро оправдают? Он получил новые сведения?

– Не знаю. – Перси вдруг почувствовал страшную усталость. Все же он еще не совсем поправился, и Лютеций, заметив, что другу тяжело, отошел, оставив их с Нинисель наедине. Она стеснялась присутствия постороннего, хоть и близкого человека, и держалась скованно, теперь же девушка могла дать волю своим чувствам.

– Возвращайся скорее, – прижалась Нинисель к мужу, – мне так тебя не хватает. Я без тебя так одинока. Все косятся на меня и спрашивают, что с тобой. Приходи скорее.

– Не грусти, любимая, я уже скоро вернусь. Меня отпустят, ведь я невиновен, и мы проживем, как раньше, даже лучше.

Перси погладил Нинисель по ее шелковистым волосам.

– Прощай, дорогая, до встречи!

Перси долго смотрел вслед уходящим друзьям, и сердце сжималось сладостной мукой. Пользуясь свободой, Перси долго гулял по двору и, лишь когда стемнело, повернул обратно.

Он не спеша шел к тюрьме мимо шахты. Ему вдруг стало любопытно, закончились ли дневные работы. Перси заглянул внутрь – никого не было; удовлетворенный, он продолжил свой путь. Прямо перед ним на земле лежал человек с ножом в спине, рубашка окрасилась свежей кровью. Он был мертв. Даже не видя его лица, Перси понял, что перед ним – надсмотрщик.

Ужас овладел им до такой степени, что он уже почти не контролировал себя. Перси отшатнулся от убитого, отошел в сторону, осмотрелся, но рядом никого не было. Стемнело, люди давно разошлись, и звать на помощь было некого и незачем. Не контролируя себя, Перси бросился в комнату, вбежал и с трудом проговорил:

– Там на земле... во дворе... надсмотрщик... с ножом...

Мейтнерий и Палладий бросились к нему, но Перси упал на кровать; туман застилал глаза. Последние проблески мыслей исчезли в водовороте сознания, и мир погрузился во мрак.

После пробуждения Перси вновь ощутил страх и отчаяние, которое развеяла встреча с друзьями. Теперь он с трудом вспоминал, о чем они говорили; все вытесняло убийство – убийство, которого он не совершал. Но кто поверит ему? Ведь именно с ним особенно жестоко обращался в последнее время надсмотрщик. Что Монтесума решит – страшно даже предположить, а Палладий – фактически он обманул его доверие. Чувствуя, что проваливается в бездну мыслей и воспоминаний, Перси невольно застонал.

– Вам плохо?

Услышав заботливый голос, Перси открыл глаза; перед ним стоял Мейтнерий.

– Как Вы себя чувствуете? Впрочем, судя по Вашим вздохам, это вопрос излишний – вижу, Вам все еще очень плохо.

– Доктор, – начал Перси.

– Меня зовут Мейтнерий, – напомнил он. – Я Ваш друг. Цените мое расположение к Вам, ведь врачи не могут отдавать предпочтение тому или иному пациенту. Врачи, как и вожди, и судьбы не имеют права помогать кому-то по дружбе, между тем я на Вашей стороне.

– О чем Вы говорите? – едва слышно спросил Перси.

– Ваша судьба еще не решена, но я постараюсь сделать все, чтобы смягчить наказание.

– Когда придет Монтесума?

– Вероятно, сегодня вечером, если Вы сможете его принять.

– Вечером? – удивился Перси. – А сейчас...

– Утро, но Вы можете спать спокойно, если почувствуете себя уставшим.

– Нет, я хочу поговорить с вождем!

– Тогда потерпите немного, вечером он навестит Вас, а сейчас я должен идти. Желаю удачи!

– Мейтнерий, я никого не убивал!

– Охотно верю, но Вам предстоит объяснять это не мне, а Монтесуме, а он, боюсь, как раз уверен в обратном.

Врач вышел и велел Палладию посидеть с больным.

– Я никого не убивал, – воскликнул Перси, – но меня наверняка обвинят в смерти надсмотрщика.

– Сочувствую, но ничем не могу помочь. Надейтесь на справедливость вождя.

– Что меня ждет?

– Самое худшее – принудительные работы в течение пяти-шести месяцев, если Вас признают виновным, но, возможно, Вас оправдают, не переживайте заранее.

Перси тяжело вздохнул. Легко им всем утешать, ведь не их ждет шесть месяцев настоящего ада. Впрочем, на родине бы с ним расправились без суда и следствия намного более жестоко, и рассчитывать на чью-либо справедливость там было бы совершенно бессмысленно.

Визита Монтесумы Перси ждал с еще большим нетерпением, чем в прошлый раз. Он горел желанием оправдаться, но когда отодвинулась панель, Перси тотчас забыл все приготовленные фразы, и страх снова овладел им.

– Ну, Перси, боюсь, Вы не скоро оправитесь после этого потрясения, – вождь старался говорить как можно более доброжелательно. – Крайне неприятное происшествие, не правда ли? Расскажите мне вашу версию произошедшего.

– Сэр, я не убивал надсмотрщика, хотя он и жестоко со мной обращался! Уверю Вас, после свидания с друзьями я просто гулял.

– Я прошу Вас об одном: представьте мне свою версию, и поменьше эмоций, пожалуйста. Он внимательно выслушал Перси и сразу встал, собираясь уйти.

– Сэр, поверьте, я ничего не сделал. Я знаю, что Вы мне не верите...

– Напротив, я верю Вам отчасти. Мне тоже не кажется, что преступление совершили Вы, однако других вариантов у меня все равно нет. До тех пор, пока мы не разберемся с этим делом до конца, Вы останетесь здесь. Надеюсь, неопределенность не продлится долго.

И Монтесума ушел, оставив Перси одного, бессильного повлиять на решение своей судьбы.

Хотя официально об убийстве не говорили, слухи быстро распространялись, и к концу дня о нем уже знали все. Те, кто сначала был доброжелательно настроен по отношению к Перси, теперь резко изменили свое мнение и считали, что ошиблись в нем. Сочувствие к новичку и удивление его успехам сменилось презрением и осуждением нахального выскочки, негодяя, вора и убийцы. Нинисель тоже приходилось нелегко: часть общественного осуждения коснулась и ее. С ней не разговаривали женщины, за спиной постоянно перешептывались и сплетничали, и все показывали пренебрежение, не скрывая злорадства. Нинисель терпела все молча, и Лютеций не раз удивлялся ее стойкости и мужеству. Сам он старался скрывать их дружбу, чтобы не давать лишних поводов для пересуд. Нинисель понимала, что со временем разговоры прекратятся, люди найдут другой предмет для обсуждения, но отсутствие рядом любимого и неизвестность усиливали ее горе.

Так прошло несколько дней, но ничего выяснить не удалось. Монтесума рассказал все Лютецию и Нинисель, повергнув их в еще большее уныние. Нинисель проплакала всю ночь, но на утро выглядела спокойной, как обычно. Друзья уединялись в лесу, где продолжали обсуждать все и искать пути решения проблемы. «Должен же быть какой-то выход, – говорил Лютеций, – неужели мы бессильны избавить друга от несправедливой клеветы? Ведь это абсурд!»

Лютеций, кроме того, заметил, что Нинисель вызывает в его душе какое-то странное волнение. Он боялся его и тщательно скрывал. Нет, он должен просто помочь другу, естественно, он сочувствует его жене, убитой горем, но кроме долга, как Лютеций с ужасом отмечал, его томило желание помочь Нинисель, обрадовать ее, спасая Перси.

На исходе четвертого дня, когда напряжение дошло до крайней степени, и друзья уже начали впадать в отчаяние, за столик к Лютецию сел незнакомый молодой человек.

– Разрешите представиться, меня зовут Лоуренсий, я художник. А Вы друг Перси, верно?

– Да, а что Вы хотите?

– Поймите, я искренне сочувствую и Вам, и Вашему другу, и хотел бы помочь ему оправдаться.

– Что?

– Тише, я не хочу, чтобы нас слышали.

Действительно, за соседним столиком Гольмий со своими друзьями мрачно поглядывал в их сторону и прислушивался к их разговору.

– У меня есть неопровержимые доказательства невинности Перси, – продолжал он, понизив голос, – но говорить об этом сейчас рискованно. Этот человек, который так пристально смотрит на нас, – его враг?

– Да. Он ненавидит его с первого дня их встречи.

Лоуренсий многозначительно взглянул на Гольмия, потом наклонился к Лютецию и прошептал ему что-то на ухо. Лицо Лютеция просветлело.

– Неужели? Просто чудо! Да Вы неоценимый свидетель! Немедленно сообщите обо всем Монтесуме.

– Конечно, я поговорю с ним завтра утром.

– Нет, что Вы, нельзя терять ни минуты. Нам могут помешать. Пойдем сейчас, я провожу Вас.

Лютеций с беспокойством взглянул на Гольмия, но враг уже отвернулся и со скучающим видом смотрел в другую сторону. Между тем, как только Лютеций и Лоуренсий встали из-за стола, он тоже оставил своих друзей и незаметно выскользнул из пещеры.

Гольмий, однако, вовсе не собирался разрушать планов друзей Перси. Он уже понял, что проиграл, и теперь предстояло лишь с достоинством выйти из игры. Вместо того чтобы строить планы мести, он шел в лес развлечься перед неизвестными трудностями.

Элизабет ждала его в пещере. Она как обычно встретила его немного испуганным взглядом и робкой лаской – девушка видела, что Гольмий чем-то омрачен или сильно взволнован, но опасалась расспрашивать. Вместо того она старалась исполнить каждую его прихоть, изо всех сил пыталась отвлечь, но Гольмий не замечал ее стараний, поглощенный своими мыслями. Полулежа на ковре, Гольмий заговорил:

– Меня ждут трудные времена. Нам предстоит долгая разлука. Пообещай хранить мне верность.

– Обещаю, Гольмий.

– Помни наш уговор: если ты хотя бы даже намекнешь кому-то о наших отношениях или раз изменишь мне, я тебя убью.

Элизабет в ужасе взглянула на Гольмия, надеясь найти на его лице опровержение своих страшных слов, но не увидела и тени улыбки; Гольмий думал о своем и готовился к чему-то ему одному известному. И ей вдруг стало по-настоящему страшно – девушка чувствовала, что Гольмий от своих слов не отказывается. Если этот дикарь пригрозил ей смертью, он не останется даже перед этим. И все же он имел над ней большую власть – Элизабет не смела возразить, чувствуя, что теперь навсегда связана с ним таинственными нерасторжимыми узами.

За четыре дня неизвестности, терзаний, времени мучительного страха и самых нелепых предположений Перси окончательно поправился. На работы его не посылали, судьба еще не решилась, и Перси сидел взаперти в ожидании страшного приговора. Шести месяцев исправительных работ он не выдержит, конечно, но бежать он тоже не мог, кроме того, здесь его удерживали новые привязанности: Лютеций и Нинисель.

Перси особенно тяготила невозможность самому изменить ситуацию. Он привык рассчитывать лишь на свои силы, и руководствоваться здравым смыслом, изредка он слушал голос своего сердца, но не верил в чудеса, хотя и полагался на удачу. Перси знал, что удача редко отворачивается от него, но все же теперь ему решительно не везло.

На пятый день утром к нему в камеру без предупреждения пришел Монтесума.

– Вы поправились? – спросил он.

– Нет, – быстро ответил Перси.

Вождь слегка улыбнулся.

– Напрасно лжете, молодой человек. Я пришел отпустить Вас. Вы свободны.

– Что?

– Вы свободны, выходите, – повторил Монтесума. – Надеюсь, Вы рады?

– Конечно, – Перси все еще не мог поверить своему счастью. – Значит, все объяснилось?

Вы нашли виновника?

– Да, и я думаю, друзья Вам все сами расскажут. Идите к ним скорее, они ждут Вас с нетерпением. И постарайтесь не приносить больше таких дурных вестей. Идите же, сейчас время завтрака, Вы еще успеете присоединиться к ним. А я должен просить у Вас прощения за причиненные неудобства.

Перси вернулся в пещеру так быстро, как только мог. Он действительно успел к завтраку; когда он проходил по пещере, все взгляды были прикованы к нему. Нинисель привстала со своего места и бросилась к нему навстречу.

– Дорогой, наконец-то ты вернулся. Иди скорее за стол, там тебя ждут друзья.

Она ушла за столик, а Перси последовал в другую половину пещеры к Лютецию. К его большому удивлению, рядом с другом сидел незнакомый молодой человек с приятными чертами лица и задумчивым взглядом.

– Вот кому ты обязан своим спасением, – сказал Лютеций, – его и благодари.

– Пустяки, не стоит благодарности. Не будем говорить об этом. Я лишь выполнил свой долг.

– А кто Вы?

– Лоуренсий, художник.

– Разве в этом племени есть художники? – удивился Перси. – Я думал, в наши дни уже нет служителей искусству.

– Ты прав, но для Лоуренсия сделали исключение, – ответил Лютеций. – Его картины Монтесуму восхищают. Впрочем, мы еще успеем поговорить обо всем, а сейчас давайте есть и отдыхать.

Перси с жадностью принялся за еду, после завтрака они с Нинисель вышли на прогулку, потом вернулись к себе в комнату и оставались там до вечера.

Перси был так счастлив, что на время забыл обо всем. Целый день он провел как во сне, и не хотелось просыпаться, и лишь когда пришло время выходить на ужин, Перси заметил, что Нинисель боится спускаться в зал.

– В чем дело? – удивился он. – Теперь тебе нечего бояться, ты со мной. Я смогу защитить тебя.

Нинисель ничего не ответила. Перси с удивлением обнаружил, что его появление не произвело фурора, намного большее внимание отдали Нинисель. Перси не стал придавать значение косым взглядам, но все же неприятно удивился, заметив, что Гольмий неотрывно смотрел на Нинисель, пока Перси не повернулся в его сторону. Друзья вскоре присоединились к нему.

– Монтесума велел зайти к нему, – сообщил Лоуренсий.

– Нам нужно поговорить, – прервал его Лютеций, – в укромном месте.

Перси предложил пойти во двор после ужина. Между тем Монтесума подошел к Гольмию, наклонился к нему, и Гольмий тотчас отставил тарелку и вышел вслед за ним.

– Вот кто настоящий преступник, – рассказал Лютеций и в ответ на удивленный взгляд пояснил:

– Потом все расскажу.

Уже стемнело, и во дворе можно было поговорить совершенно безопасно. Вчетвером вместе с Нинисель друзья вышли во двор.

– Не нравится мне все это, – начал Лютеций, – Гольмий, очевидно, ненавидит тебя. Сначала он украл документы, а обвинили в этом тебя. А потом воспользовался случаем и убил надсмотрщика.

– Как он мог все это сделать?

– Насколько я понимаю, во дворе никого не было, поэтому он смог выбрать подходящий момент. К счастью для нас, Лоуренсий его видел, но сначала не связал все увиденное воедино.

– Но откуда Гольмий мог узнать про надсмотрщика?

Лоуренсий развел руками.

– И у стен есть уши.

– Да, я спасся просто чудом. Но я не понимаю, зачем ему нужны какие-то бумаги вождя?

– Перси, понимаешь... Гольмию не по душе твой стремительный карьерный рост. Как правило, он предвещает... нет, это я потом скажу, беседа не из приятных. Главное – вы с Гольмием претендуете на одно место.

– Или на одну девушку, – улыбнулся Лоуренсий, – Карьера – недостаточный мотив для столь изощренных и рискованных путей устранить соперника. Нинисель – действительно жемчужина. Разве вы не замечали, какие пламенные взгляды он бросал на нее все время?

Нинисель покраснела.

– Право же, я никогда не давала повода...

– Ему и не надо никаких поводов. Сердцу не прикажешь. Ты ведь заметила его внимание?

– Конечно.

– Этого он и добивался.

Перси молчал, подавленный обилием неприятных новостей.

– Поэтому он и воспользовался убийством, чтобы... устранить тебя на некоторое время.

– А что насчет карьеры? Неужели что-то еще плохое?

– Как правило, вожди приближают к себе талантливого и исполнительного человека, чтобы его в нужный момент использовать. Например, отправить в другое племя верного человека.

Перси застонал. Радость исчезла бесследно, и как сквозь туман он услышал слова утешения Лоуренсия:

– Иногда они делают их советчиками!

– Не бойся, Перси, я всегда буду с тобой, не страшись будущего, ведь мы будем вместе, – прошептала Нинисель.

– Бояться надо не смерти, а слабости, – бодро и уверенно сказал Лютеций. – Наш долг – предупредить тебя об опасности, чтобы ты был готов к худшему.

– Спасибо, – усмехнулся Перси, – я готов к битве. А пока буду жить и брать от жизни все, что можно.

– Не увлекайся. Я предупредил тебя вполне серьезно, будь начеку.

– Хорошо, а теперь мне пора идти к Монтесуме. Раз уж начал, так выпью чашу до дна.

Однако у Монтесумы его ожидал теплый прием.

– Я еще раз прошу прощения за причиненные страдания. Теперь Вы сами увидели, что вожди тоже могут ошибаться. Завтра я восстановлю Вас публично, Вы получите повышение.

Монтесума помолчал.

– Между прочим, должен заметить: враг у Вас очень жестокий, но и друзья замечательные, такая преданность встречается нечасто. Они сделали для Вас все возможное, будто для самих себя.

На короткое мгновение вождь показался Перси взволнованным; в его глазах мелькнуло странное выражение, впервые что-то человеческое отобразилось в его глазах, но лишь на долю секунды. Вскоре оно сменилось прежним ровным вежливым выражением.

– Кстати, должен сказать пару слов о Вашей новой должности – мне кажется, Вы вполне могли бы стать руководителем. Я назначу Вас начальником инженерного корпуса, будете подчиняться непосредственно главному инженеру.

Перси пытался соединить воедино то, что слышал от друзей и Монтесумы, но в итоге так ничего и не понял. Сомнений его повышение не решило, и он не был уверен ни в мнении друзей, ни в покровительстве Монтесумы. «Время покажет, – решил Перси, – единственное, в чем я могу быть уверен, так это в том, что у меня появился шанс отдохнуть от Гольмия».

Монтесума сдержал свое слово и на следующий день за завтраком публично извинился перед Перси за несправедливое обвинение. Хотя его доброе имя было теперь восстановлено, Перси попрежнему чувствовал неловкость и обрадовался возможности перейти работать в другое место к незнакомым людям.

Коллектив ему сразу понравился, рабочие охотно его слушались, а начальник оказался не очень строгим и снисходительным человеком.

– Я сам еще недавно был начальником корпуса, поэтому хорошо Вас понимаю, – объяснил он.

Перси нравилось руководить. Впервые он прикоснулся к власти, пусть и небольшой, и она пробудила в нем интерес к независимой жизни. Он быстро разобрался во всех тонкостях работы, и помощь начальника ему вскоре уже не требовалась.

За целый месяц спокойной однообразной жизни Перси успокоился и стал постепенно забывать о несправедливом обвинении. Гольмий сидел в тюрьме, Перси его не видел и потому спокойно наслаждался жизнью и обществом друзей.

Лоуренсий оказался очень интересным собеседником, и через пару месяцев знакомства Перси понимал, почему для этого умного, внимательного и наблюдательного человека Монтесума сделал исключение. Художник мог по нескольким чертам определить характер человека, сразу оценивал настроение, открытость собеседника и его расположенность к беседе и легко мог найти подход к любому человеку. Он отлично понимал людей и умел с ними ладить. «Неоценимый человек», – сказал о нем Лютеций, и Перси не стал спорить. Он чувствовал себя обязанным Лоуренсию за свое спасение и начал подолгу общаться с ним, но вскоре они стали близкими друзьями и проводили вместе все свободное время.

– Ты не забыл, какой сегодня день? – спросил за завтраком Лютеций.

– Положим, забыл. Это меняет дело?

– Ты совсем расслабился. Сегодня истекает срок, и Гольмий вернется.

– Если он еще жив, – усмехнулся Перси. – Во всяком случае, думаю, сейчас он едва ли сможет строить мне козни.

– Будь осторожен, Перси, – заметил Лоуренсий, – Не забывай, что у него остаются союзники, они тоже могут быть нам опасны. Блотон – силач, которому стоит лишь дунуть, чтобы тебя не стало, и это вполне заменяет ему ум, а Уилви... Особенно остерегайся Уилви, он коварный человек, под стать нашему Монтесуме, и язык за зубами держать умеет, сразу не поймешь его намерений, а с виду – святая невинность.

– Чему быть – того не миновать, – беззаботно рассмеялся Перси, – я, конечно, буду предельно осторожен и внимателен. Кстати, какая должность у Гольмия?

– Такая же, как у тебя. Он небольшой начальник, по крайней мере, был им до заключения.

– Его не понизят?

– Не думаю, – ответил Лютеций. – У него в подчинении много людей, и он может попытаться склонить их на свою сторону.

– У меня тоже немало людей, которые беспрекословно меня слушаются.

– И во всех ты уверен, как в самом себе?

Перси оставил последнее замечание без ответа.

Вечером, едва Перси переступил порог зала, к нему навстречу вышла бледная Нинисель, явно взволнованная, с покрасневшими глазами.

– Гольмий вернулся, – сообщил Лютеций, – он оскорбил ее.

Кровь бросилась Перси в лицо.

– Где этот мерзавец?

Гольмий уже сам шел к нему навстречу. Он почти не изменился с их последней встречи, только немного похудел и выглядел утомленным, казалось, общая усталость проникла во все черты его лица, и немного изменилась походка, но в остальном он был прежним, и его глаза сверкали так же враждебно.

– А, Перси, спешишь на помощь любимой жене! Имей в виду: я ее пальцем не тронул.

– Словами порой можно задеть намного сильнее. Если ты еще раз скажешь о Нинисель хоть слово, я тебя убью, как собаку.

– Спорный вопрос, – насмешливо улыбнулся Гольмий, – во всяком случае, вызов принят. Посмотрим, кто кого.

Гольмий отошел, а Перси друзья почти насильно усадили за стол.

– Успокойся, остынь. Вот видишь, мы тебя предупреждали, Гольмий ни перед чем не остановится.

Гольмий за своим столиком шептался о чем-то с Уилви. Он так низко наклонился над столом, что спутанные пряди густых черных волос скрыли лицо; они с Уилви совещались, и Перси почувствовал прилив жгучей ненависти: Гольмий вернулся, и кончилась спокойная жизнь. Все начиналось сначала.

Вечером Перси долго не мог уснуть. Его одолевали сомнения и смутное беспокойство; пролежав без сна около получаса, Перси быстро оделся и бесшумно выскользнул из комнаты, оставив Нинисель безмятежно спать. Нинисель ждала ребенка, и Перси чувствовал к ней особую нежность. Он представлял, как она будет заботливо склоняться над малышом, счастливо улыбаться и рассказывать ему о простых, но всегда милых заботах. Их ждало светлое будущее.

В коридоре тускло горел свет – на ночь его всегда приглушали. Перси осторожно вышел из спальни и направился к выходу в надежде, что глоток свежего воздуха вернет ему утраченный душевный покой. Внезапно Перси услышал голоса в противоположной части коридора и остановился: в одном из говоривших он узнал Монтесуму, второго он не знал.

– Вероятно, но это не объясняет, – говорил незнакомец.

Не устояв перед искушением, Перси подошел чуть ближе и спрятался в углу.

– Вы хотите сказать, – перебил собеседника Монтесума, – что грядут большие перемены?

– Нас ждут тяжелые времена, Нобелий прав.

– Мне надоело слушать бред и сказки этого старика. Я держу его не для того, чтобы постоянно слушать поучения и постоянно узнавать, где я ошибся – счет своим ошибкам я могу вести сам. Вы убеждали меня, что Нобелий – мудрейший философ, и его ценные советы во многом помогут мне, но пока я еще не услышал ни одного ценного указания, зато узнал, что я плохой вождь и самонадеянный человек. Он рекомендует мне окружить себя преданными людьми, но в то же время не советует верить людям на слово. Глупый и противоречивый старик!

– Мое мнение о нем расходится с Вашим, сэр. А о чем Вы говорили во время последней встречи?

– О, он рассказывал мне о гибели нашего мира, предрекал конец света. Я заметил, сейчас это стало очень модным. Кроме того, он упомянул наше секретное оружие.

– Так он знает о нем?

– Скорее подозревает. Он много рассуждал о том, что мы сами себе готовим гибель использованием такой сложной техники, от которой зависим, без нее мы не сможем ни воевать, ни даже просто жить. Нобелий считает, что мы очень уязвимы – у нас нет ни сильных воинов, ни преданных рабов, и без машин мы бессильны. Уничтожь все оружие – и мы обречены. Его бесполезно убеждать, что техника надежно спрятана, что о ней знает лишь горстка преданных людей: главный инженер, главный механик да мы.

– А сам он будет нам предан?

– На словах – да, но я ни в чем не уверен, Рутений...

Перси слушал разговор, затаив дыхание. Ему стало интересно узнать, о ком шла речь и кто таинственный собеседник вождя. Однако дальнейшее поразило его еще больше.

– Я, разумеется, ни слова не сказал ему об украденных документах, однако...

– Так их взял Гольмий? И Вы не нашли их?

– Нет. Я не знаю. Я склонен думать, что их украл не Перси и не Гольмий, и не кто-то из далеких о политике людей. Это мог сделать лишь тот, кто хорошо понимает их ценность.

– За что же Вы тогда наказали невиновных в краже?

– Во-первых, они теперь далеки от искушения вмешиваться в мои дела, особенно Перси, он ведь чужой человек, я его планов не знаю. Во-вторых, это послужит уроком и для других.

Голоса приближались, и оставаться в укрытии становилось опасно. Перси бесшумно прошел вперед по коридору и вышел на улицу. Услышанное так потрясло его, что теперь совсем расхотелось спать. Такой подлости от вождя Перси никак не мог ожидать.

На свежем воздухе ему стало немного легче, голова прояснилась, и даже немного захотелось спать. Тишина и безлюдье успокоили его возбуждение, и Перси решил вернуться в пещеру.

Перед ним возникла тень. Силуэт загородил проход в пещеру. Огромного роста мускулистый человек зажал ему рот и толкнул, Перси ничком упал на землю, а силач стал избивать его ногами и руками. Перси сопротивлялся, как мог, но скоро понял, что здесь он бессилен. Вдруг удары прекратились, и Перси с трудом поднялся на ноги. Нападавший убежал, и все же в последний момент он оглянулся, чтобы в последний раз посмотреть на свою жертву. Если он хотел остаться незамеченным, то ему это не удалось – лунный свет осветил его лицо, и Перси узнал силача. Перед ним был Блотон.

На следующее утро Перси долго и путано объяснял друзьям и перепуганной Нинисель, что произошло ночью.

– Мы ведь тебя предупреждали, а ты опять не послушался, – упрекнул друга Лютетий. – Зачем тебе понадобилось идти гулять ночью одному? А насчет разговора могу сказать лишь одно: ты услышал то, что знать не положено.

– Да, но теперь я уже слышал и не могу не думать об этом.

– Перси прав, – сказал Лоуренсий, – теперь уже поздно жалеть о содеянном. Радуйся, что остался жив. А по поводу разговора могу сказать лишь одно: Монтесума ведет большую игру со сложными правилами, которая называется политикой. Конечно, многие вещи имеют совсем иное объяснение, ведь ему приходится учитывать множество самых разных людей и событий. Теперь ты сам убедился, что он хитрый и коварный человек, поэтому будь осторожен, если тебе придется с ним сталкиваться.

Перси пришлось удовлетвориться таким объяснением. Большого он от друзей не добился, несмотря на многочисленные расспросы. Что-то убеждало его, что друзья знают больше, но не хотят ему говорить, и решил отложить расспросы до более удобного случая. С Нинисель же ему не хотелось делиться своими страхами и проблемами – она совершенно ушла

в себя, в свои личные переживания и надежды. Она жила внутренней жизнью, которая казалась ей куда более важной, чем мысли мужа о политике и месте в мире. Все пройдет, он забудет о своих делах, а в ней сейчас совершается чудо – вечное чудо появления новой жизни! Ведь это намного важнее какой-то политики. Временами она ласково спрашивала Перси:

– Как ты думаешь, кто у нас будет? Мальчик или девочка? А ты бы кого хотел больше?

Перси машинально улыбался, отвечал ничего не значащий вздор, о котором забывал через минуту, и снова погружался в свои размышления о подслушанном разговоре.

Нинисель настойчиво просила Перси прогуляться с ней вечером, как раньше, и он согласился, чтобы не расстраивать жену. Они вышли на улицу; Нинисель нежно улыбалась – она чувствовала себя абсолютно счастливой. Здесь, рядом с ней, был сосредоточен весь ее мир, и он теперь так же улыбался вместе с ней.

– Помнишь наш первый день, нашу первую прогулку?

Перси отвлекся от своих размышлений и предался счастливым воспоминаниям.

– Да, отлично помню. Мы гуляли здесь по двору, а потом сидели вон там на упавшем дереве.

Они присели на пенек.

– Здесь мы сидели обнявшись и говорили разные милые глупости...

– Отчего же глупости? Я и сейчас люблю тебя так же.

– И я, – вздохнул Перси.

Он держал жену за руку и старался отогнать неприятное ощущение дежавю. Так же он стоял тогда с друзьями, полный надежд, веры в свое освобождение, безмятежно смеялся и чувствовал себя самым счастливым человеком на свете, и совсем скоро все переменялось. «Нет, так я сойду с ума, я никогда не дам себе возможности радоваться, нужно перестать ждать плохого».

Перси и Нинисель возвращались в пещеру. У входа Перси остановился: почему-то в коридоре, ведущем в их спальню, было совсем темно. Не горела ни одна лампочка. Хотя они возвращались позже обычного, ночью в коридорах никогда не выключали свет совсем.

«Странно, отчего нет света?» – пробормотал Перси. Нинисель доверчиво взяла его под руку.

– Идем, видишь, там вдалеке свет? Это наша комната. Уходя, мы чуть приоткрыли дверь. Давай смелее, я буду держаться за тебя.

Перси неуверенно пошел на свет. В конце концов, он ведь идеально знает этот коридор. Неприятное предчувствие не исчезало, но Перси уверенно шел вперед. Их комната была уже совсем близко, когда внезапно нога зацепилась за что-то, и он потерял равновесие. Боль от удара, дикий безотчетный страх, крик совсем рядом – испуганный, особенно громкий в мертвой тишине коридора крик Нинисель.

Очнулся Перси в своей комнате. Над ним склонилось заботливое лицо Мейтнерия.

– Как Вы себя чувствуете? – он положил Перси на лоб влажную повязку. – Лежите спокойно и не волнуйтесь.

– Я упал?

– Над полом натянули тоненькую веревочку и приклеили к стене. Неудивительно, что Вы упали – ведь в коридоре вывернули все лампочки.

– А Нинисель? Где она?

– С ней все в порядке, она пока без сознания, но скоро очнется.

Что-то в голосе врача, однако, насторожило Перси.

– Что с Нинисель? Скажите мне правду!

– Ваша жена скоро поправится, но ребенок...

– Она потеряла ребенка?

Перси покраснел от бессильной ярости и сжал кулаки.

– Я убью Гольмия!

– Тише, не бросайтесь чудовищными обвинениями. Откуда Вы знаете, кто это сделал и зачем? Вам лучше просто отдохнуть и побыть с друзьями.

– Я знаю, – прошептал Перси. – Знаю, что говорю.

– Вам придется провести в постели несколько дней, – невозмутимо продолжал врач, будто не расслышав последних слов Перси, – я передам вождю, что Вы нездоровы, а причину объясните ему сами, когда поправитесь.

Едва за Мейтнерием закрылась дверь, Перси вскочил на ноги, но резкая слабость заставила его снова лечь. Друзья привели к его постели молодого рабочего из инженерного корпуса, Перси сразу узнал его.

– Дармштадтий?

– Вы правы, сэр.

– Он услышал ваши крики, позвал врача и помог отнести вас в комнату, – пояснил Лютеций.

Дармштадтий добродушно и немного застенчиво улыбался.

– Рад был помочь. Вы всегда нравились мне, Вы прекрасный начальник.

Когда Дармштадтий наконец вышел, Перси с неудовольствием сказал, откинувшись на подушку:

– Надеюсь, вы не собираетесь снова заводить разговор о Монтесуме, политике и прочем. Я устал от всего этого.

– Именно об этом мы сейчас и будем говорить. Перси, ты ведь сам понимаешь, как важно сейчас собирать преданных людей! Разве ты еще не убедился, что Гольмий на все готов, чтобы тебя уничтожить?

– Да, я это понимаю, но все же не желаю сейчас говорить об этом. Пусть хоть весь мир вверх дном перевернется! Я устал от политики, от страха за свою жизнь! Мне все это надоело. Оставьте меня в покое хотя бы на день.

– Перси очень устал и пережил большое потрясение, дадим ему отдохнуть, – согласился Лоуренсий.

И друзья оставили Перси одного, а он метался по кровати, проклинал Гольмия и в бесильной ярости грозил кулаком невидимому врагу.

Прошло больше недели, Перси и Нинисель поправились и вскоре перестали говорить об ужасном происшествии. Стоило Перси начать проклипать Гольмия, Нинисель начинала плакать, и Перси стал избегать даже упоминания его имени. К счастью, посещение Монтесумы было коротким, он ограничился лишь официальными вопросами о самочувствии, и Перси решил, что вождь составил свое мнение насчет случившегося. Постепенно все возвращалось на круги своя, жизнь становилась спокойнее.

Первый удар обрушился на него через неделю, за завтраком. Холодно и вежливо, ничего не выражающим тоном Монтесума попросил Перси зайти к нему в кабинет. Нехорошее предчувствие шевельнулось в душе у Перси, но он и виду не подал, что разволновался, а напротив, тотчас согласился.

Теперь вождь особенно тщательно проверил, не подслушивают ли их, крепко запер дверь, прошелся по комнате и наконец сел напротив Перси.

– Я не стал разговаривать с Вами раньше, решил дать вам возможность спокойно выздороветь, а я как раз все обдумал и теперь пришел к окончательному заключению. Вы умный, порядочный человек, Перси, и отлично справляетесь с любой работой, которую Вам поручают. Я хочу сделать вам одно предложение, советую его принять. Оставайтесь со мной в качестве личного секретаря. От Вас потребуются лишь послушание, беспрекословное выполнение всех моих требований и умение хранить тайну. Мне кажется, Вы вполне подходящая кандидатура.

Перси в отчаянии размышлял, как ему поступить. Он ожидал чего угодно, но не этого, и сильно растерялся. Возможно, поддержка Монтесумы действительно даст ему хоть какую-то защиту, но ведь, согласившись, он подвергает себя страшной опасности, более того, он обречен.

– Зачем я Вам нужен, сэр?

Перси ждал крика, бурной реакции, но Монтесума остался невозмутимым, как статуя.

– Повторяю: мне нужен честный и исполнительный секретарь. Вы кажетесь мне подходящим человеком.

Началась внутренняя борьба.

«Скажи уже что-нибудь, да или нет, только быстрее», – говорил сам себе Перси.

«Нужно отвечать, а я не могу».

«Да или нет? Сейчас закрою глаза и перестану думать, пусть язык сам выносит мне приговор».

Монтесума терпеливо ждал, как хищник, караулящий жертву; гнетущее молчание лишало Перси способности трезво мыслить.

«Пора прекращать глупую игру. Если никто из нас не произнесет ни слова в течение минуты, я закричу и выбегу из кабинета».

В неестественной, звенящей тишине Перси трижды вдохнул и выдохнул и едва слышно прошептал:

– Нет.

Монтесума усмехнулся. На долю секунды в его глазах появилось человеческое выражение – участия ли, насмешки – но оно тотчас сменилось привычной маской равнодушия.

– Вам выгоднее согласиться, Перси. Если Вы станете моим секретарем, я обещаю, что защищу Вас и Вашу семью от Гольмия.

Видя, что Перси колеблется, вождь продолжал:

– Соглашайтесь. Ваше сопротивление бессмысленно. Если я захочу, то заставлю вас подчиниться.

Перси стало не по себе: взгляд вождя стал жестким и равнодушным, и Перси наконец ответил то, что так давно хотел услышать от него вождь:

– Да, я согласен работать секретарем.

Монтесума удовлетворенно откинулся на спинку стула.

– Вот и хорошо, теперь мы пришли к соглашению. Я пока отпускаю Вас, придете завтра, тогда и поговорим. Я сейчас очень занят, а завтра все обсудим. Возвращайтесь в инженерный корпус и передайте дела новому начальнику.

Перси не терпелось поговорить с друзьями, однако сообщить им о внезапной перемене в своей судьбе он смог лишь вечером.

– Нам придется зайти к тебе, Перси, – предупредил Лоуренсий, – мы все равно не найдем во дворе укромного уголка. Нинисель еще не вернулась, мы можем спокойно поговорить.

Он кратко сообщил друзьям о своем назначении, и они не на шутку встревожились.

– Держи нас в курсе, нам придется собираться у тебя – только здесь мы можем беспрепятственно говорить обо всем. И подумай о союзниках – верные люди тебе сейчас очень пригодятся.

Вошла Нинисель, и друзья тотчас распрощались. Оставшись одни, они сели, обнявшись, и долго молчали. Их объединяло сейчас общее горе, но, кроме того, Перси замечал в глазах жены какую-то особую тайную грусть, но старался не расспрашивать ее ни о чем. В последние дни Нинисель часто просила его не говорить в ее присутствии о Гольмии, и Перси оставалось лишь гадать, как он так жестоко оскорбил ее и что именно сказал.

Ночью ему опять не спалось и снова захотелось выйти во двор, но он помнил свою неудачную прогулку в прошлый раз и решил не искушать судьбу. Однако, кроме драки с Блотоном, он ведь еще подслушал один очень интересный разговор, который не переставал волновать его...

Что, если он еще раз прогуляется по коридорам пещеры и услышит что-нибудь проливающее свет на все эти странные обстоятельства? Перси на цыпочках вышел из комнаты и направился в сторону кабинет Монтесумы, поминутно оглядываясь, прислушиваясь и стараясь ступать бесшумно. Он крался, как вор, и приятное возбуждение все сильнее охватывало его. В коридоре было тихо, и таинственный полумрак превращал его опасное, с риском для жизни, приключение в увлекательный сказочный сон.

Услышав шаги, Перси замер. Он плотнее прижался к стене, которая оставалась в тени, и с нетерпением ждал. Минута показалась ему вечностью, прежде чем он увидел человека. Все его деланное спокойствие тотчас исчезло – рядом прошел Гольмий.

К счастью, он был поглощен своими мыслями и ничего вокруг не видел; он остановился в смежном коридоре и, очевидно, кого-то ждал. Действительно, вскоре к Гольмию приблизился незнакомый член племени. Они обменялись краткими фразами, затем каждый из них протянул другому листок бумаги, прочитав, они тщательно подышали на листки и спрятали их; Перси следил за ними, затаив дыхание: Гольмий вышел из пещеры, а его союзник вернулся туда же, откуда пришел. Небрежно сложенный пополам листок выпал из кармана у Гольмия, но он этого даже не заметил.

Едва шаги смолкли вдали. Перси вышел из своего укрытия, поднял листок и поспешно развернул его, но его ожидало разочарование – листок был совершенно чистым. Перси, однако, спрятал его в карман и незаметно вернулся к себе в комнату.

В пещере-норе тускло горел свет. Гольмий сидел на полу, поджав ноги, а Элизабет лежала на ковре. Едва слышно, дрожащим от слез голосом, она говорила:

– Понимаешь, у нас будет ребенок.

– Вижу, – Гольмий отвернулся. – Я тебя предупреждал.

Элизабет украдкой смахнула слезу.

– Гольмий, пожалуйста, позволь мне оставить этого ребенка. Я бы могла поселить его здесь.

– Ты с ума сошла! Он нас выдаст, и наше укрытие тоже. Кроме того, если ты будешь часто отлучаться, это заметят.

– Я стала бы уходить тихо и незаметно. Потом беременность все равно не скроешь.

– Нет. Избавляйся от ребенка.

– Ты позволишь мне по крайней мере самой решить его судьбу?

– Да, можешь сделать с ним все что угодно. Если тебе будет легче от мысли, что он умер от голода в лесу, можешь бросить его там. Можешь утопить его или задушить.

Элизабет громко всхлипнула и изо всех сил вцепилась в платок.

– Гольмий, пожалуйста!

– Хорошо, учитывая твою нежную и ранимую душу, я умолкаю. Ласковые и покорные женщины любят душевный покой. Кстати, а как ты объясняешь свои внезапные исчезновения на целую ночь?

– Никто ни о чем меня не спрашивает. Чуткие и добрые женщины заботятся обо мне, особенно Нинисель.

Взгляд Гольмия сразу стал жестким. Он весь напрягся, и Элизабет с удивлением наблюдала за переменой в его лице. Исчезла самоуверенная развязность, и он хриплым голосом прошептал:

– Нинисель? Она заботится о тебе? До чего же странными бывают встречи! Ты считаешь ее своей подругой?

Элизабет кивнула.

– Да будет так! – наигранно рассмеялся Гольмий.

Следующим утром Перси решил рассказать Монтесуме о своей находке.

– Сэр, прошлой ночью мне не спалось, и я вышел в коридор прогуляться...

Он осекся, вдруг вспомнив о первом подслушанном разговоре, но лицо вождя оставалось бесстрастным, и Перси продолжил:

– Я увидел Гольмия и его союзника.

И Перси подробно пересказал Монтесуме всю ночную сцену.

– Вот тот листок, который я подобрал с пола.

Монтесума задумчиво осмотрел его, поднес к свету, потрогал бумагу.

– Но здесь ничего нет, – возразил он, – на бумаге нет следов царапин.

– Но ведь я отчетливо видел, как они читали текст, – начал Перси, но вождь поднял руку и прервал его.

– Самое вероятное предположение – писали карандашом, ведь мягкий графит не оставляет следов на бумаге. Кроме того, его легко стереть. А при помощи ластика можно составить даже отдельные слова, и потом действительно придется «подышать» на листок, чтобы уничтожить написанное.

Перси стоял как громом пораженный.

– Гениально! Как же я сам до этого не догадался!

– Вам просто не хватает опыта, – чуть улыбнулся Монтесума. – Пора приступать к работе, я сейчас объясню Вам, чем нам предстоит заниматься.

Перси не слушал. «Ну, Гольмий, посмотрим, кто кого. Я смогу достойно ответить на вызов. До сих пор мы лишь шутили, но теперь начнем бороться по-настоящему. На моей стороне власть и поддержка вождя, и я наконец тебя уничтожу».

И, уверенный в собственных силах, Перси принялся за работу, не переставая размышлять о великой борьбе, безжалостной и суровой, борьбе до победного конца.

Часть вторая «Политическая борьба»

*«Иногда лучший способ погубить человека – это
предоставить ему самому выбирать свою судьбу».*

М.А.Булгаков

*«Ни силы в тебе нет, ни мудрости. Однако избран ты, и, значит,
тебе придется стать сильным, мудрым и доблестным».*

Дж. Толкиен

Перси вошел в пещеру с мрачным видом; он молча сел на кровать и обвел взглядом всех присутствующих на собрании.

Эти собрания стали теперь регулярными. Небольшой круг верных людей собирался тайно по вечерам в комнате Перси, и там в сумерках уходящего дня строились смелые планы, велись жаркие споры и выносились приговоры всем врагам. Перси не знал, сколько усилий потребовалось для того, чтобы собрать всех этих людей здесь и объединить вокруг одного человека; он догадывался, что во многом обязан обаянию Лоуренсия, который весьма успешно собирал союзников, и, хотя число союзников оставалось пока небольшим, в последнее время оно возросло почти в три раза.

Как только Перси вошел, разговоры тотчас стихли. Хотя объединял людей Лоуренсий, возглавлял собрания неизменно Перси.

– Полученные мной сведения подтверждают наши худшие опасения, – вздохнул Перси, – судя по всему, Гольмий подозревает Дармштадтия, раз велит ему прийти непременно.

– Вот тебе и конспирация, – с плохо скрываемой досадой произнес Плутоний, недавно присоединившийся к группе союзников. А кто-то говорил, что о существовании заговора никто не подозревает...

– Подозревать можно все, что угодно, главное – чтобы никто не знал этого наверняка, – ответил Перси. – Если кому-то не нравится наш заговор, вы вольны уйти прямо сейчас. Я никого здесь силой не держу.

Плутоний поспешно извинился, и все снова замолчали.

– Ваши предложения?

Союзники заговорили, перебивая друг друга, торопясь высказать все, о чем они думали с момента получения Дармштадтием пригласительного письма. Выслушав их, Перси понял руку:

– Я прекрасно понимаю, что мы идем на риск, весьма вероятно, Дармштадтия будут принуждать перейти на сторону Гольмия.

– Я никогда не соглашусь на это! – воскликнул Дармштадтий.

– Вполне уверен в Вашей преданности, и потому предлагаю сделать так: пусть Дармштадтий изображает союзника и той, и другой стороны.

– Нет, я не соглашусь на это, – решительно отказался Дармштадтий, и от первоначального плана пришлось отказаться.

– У меня есть предложение, – встал Лоуренсий, – я пойду вместо Дармштадтия.

– Но наши враги прекрасно тебя знают, это безумие!

– Отнюдь. Я переоденусь и изменю внешность, никто меня не узнает. Перси, положиись на меня, я знаю, что делаю.

– Я не могу рисковать жизнью преданных людей!

– Перси, я справлюсь, обо мне не беспокойся. Доверь это мне.

– Хорошо, – Перси встал, что означало конец заседания.

Союзники по одному выходили и исчезали во мраке коридора. Перси, Лютеций и Лоуренсий втроем отправились на прогулку, но не во двор пещеры, а в потайные уголки подальше от входа.

– Ты за меня не беспокойся, – голос Лоуренсия был поразительно спокоен, – я знаю, на что иду, и готов играть в жестокую игру. Я смогу прекрасно замаскироваться и буду осторожен. Лучше дай мне пригласительное письмо.

Перси протянул ему листок.

– Возьми, прочтешь в безопасном месте.

Лоуренсий надежно спрятал письмо.

– Это мой пропуск, так сказать, подтверждение личности. Ладно, с этим все в порядке, а вот с тобой мы с Лютецием хотели серьезно поговорить.

– О чем?

– Мы хотели тебя предостеречь. Знаешь, власть сильно изменила тебя.

– Что ты говоришь? – побледнел Перси.

– Не кричи, мы хотим всего лишь дать тебе дружеский совет. Напрасно ты грозишь всем и ведешь себя как властитель, тебе нужна хитрость и умение располагать к себе людей.

– Для этого у меня есть друзья. Вы всегда помогаете мне.

– Спасибо, Перси, но этого мало. Между прочим, скажи нам откровенно: ты ведь хочешь стать вождем?

– Нет, совершенно не хочу.

– Но мы ведь не просто так боремся с врагом?

– Я мечтаю о спокойной размеренной жизни с Нинисель и друзьями.

– Раньше – да, возможно, но теперь... Ты сам не замечаешь, но власть опьяняет тебя. Согласись, ведь ты с огромным удовольствием командуешь людьми и распоряжаешься их судьбами. Между прочим, мог бы и пообещать им что-нибудь в случае победы, чтобы укрепить их преданность.

– Вы говорите ерунду. Я не собираюсь давать никому ложных обещаний, и вообще, перестаньте учить меня, как жить. Если вы считаете, что друзьям позволено больше, чем остальным союзникам, это не означает, что можно критиковать мои действия – этого я никому не позволю, даже самым близким людям. Завтра вечером я буду ждать твоего отчета, Лоуренсий... если, конечно, все пройдет удачно.

– Конечно, Перси, я сделаю все, что от меня зависит.

Лютеций и Лоуренсий проводили друга взглядом, затем заговорили вполголоса:

– Не нравится мне перемена в нем. Он стал слишком гордым и самоуверенным. Не хочу пожелать ему дурного, но ведь власть может так же легко уйти от него, как и пришла.

А Перси медленно шел к себе; разговор с друзьями неприятно удивил его. Странно, что у них все чаще стали появляться разногласия – они не хотели давать ему свободы действий, не желали подчиняться и продолжали считать, что разбираются в политике лучше него. Но в конце концов он уже больше года прожил в племени склифов и далеко не так наивен и глуп, как раньше. Он и сам знает, как ему добиться своей единственной цели – выжить.

Теперь Перси уже не знал, к чему он стремится. Подчиняться начальнику, выполнять рутинную работу он уже не хотел, новая должность ему очень нравилась и удовлетворяла честолюбие. Хотел ли он стать вождем? Эта мысль действительно не приходил Перси в голову – как, зачем? Он лишь хотел победить Гольмия и добиться уважения и независимости.

Нинисель вышла из зала после ужина и отправилась в комнату. В последнее время никто ее не провожал, не ходил с ней гулять перед сном; Нинисель знала, что у Перси много забот, не обижалась и ни о чем его не расспрашивала. Они мало времени проводили вместе, почти не разговаривали и постепенно отдалялись друг от друга.

Нинисель свернула в коридор, но вдруг услышала торопливые шаги сзади и обернулась. Ее догнала Элизабет.

Хотя девушки считались подругами, они никогда не навещали друг друга в комнатах. Элизабет знала, что Нинисель замужем, поэтому приходив к ней вечером стеснялась. Нинисель в свою очередь не решалась навестить подругу, зная ее образ жизни.

Тайны частной жизни разделяли их, и каждая вечером оставалась наедине со своими проблемами, которые не с кем обсудить.

Поэтому, увидев Элизабет, Нинисель очень удивилась.

– Пожалуйста, Нинисель, позволь мне поговорить с тобой. Мне так нужна твоя помощь.

Ты бы не могла меня принять?

– Сейчас посмотрю, если мужа нет дома.

Она вернулась через минуту.

– Никого нет, заходи. Думаю, Перси вернется нескоро.

Девушки вошли в комнату. Элизабет, заметно уставшая, села и тотчас заговорила:

– У меня к тебе просьба, дорогая, можешь сразу отказать, если сочтешь меня слишком дерзкой.

– Что ты, Лиззи! Говори скорее, что случилось.

– Понимаешь, Нинисель, у меня скоро будет ребенок...

Нинисель кивнула.

– Можешь, как и все, осуждать меня, но не в этом дело. Я даже не знаю, как начать...

Ты бы не могла взять моего ребенка?

– Взять твоего ребенка? – изумленная Нинисель не сразу поняла, в чем дело.

– Просто мне запретили держать его у себя... отец будущего ребенка.

– А... – Нинисель замаялась. Повисло неловкое молчание.

– Пожалуйста, Нинисель, спаси моего ребенка, ведь он велит мне убить его, а я не могу.

У тебя ведь тоже скоро будет ребенок.

– Еще не скоро, – улыбнулась Нинисель. – Хорошо, я возьму твоего ребенка, Лиззи.

– О, Нинисель, какая ты добрая! Ты ведь вправду возьмешь его?

– Конечно, Лиззи. А отец твоего будущего ребенка...

– Я не могу назвать его имя.

– Хорошо, не говори, если не хочешь. Давай только решим, как будем говорить о ребенке: кто его мать?

Элизабет долго молчала. В ней боролись два чувства: желание быть рядом с будущим ребенком, назвать его своим, открыто любить его и гордиться тем, что она его мать, и страх за его жизнь. Нет, ему будет гораздо надежнее оставаться с Нинисель.

После долгого колебания она наконец сказала:

– Возьми его, дорогая, и назови своим. Я буду изредка навещать его. О, Нинисель, если ты спасешь моего ребенка, я вовек этого не забуду!

– Ну что ты, Лиззи, успокойся. Мне кажется, я слышу шаги. Наверное, возвращается муж.

Перси вернулся уставшим и раздосадованным. После разговора с друзьями на душе остался неприятный осадок. Нужно было опять о чем-то думать, строить планы, но у него уже не осталось сил. Перси видел, что Нинисель переживает за него даже больше, чем он сам, но ничем не мог ее успокоить. Все пустые лживые уверения, что у него все в порядке, давно уже перестали действовать. Перси не мог заснуть дольше обычного и спал тревожно и чутко.

Ему снились странные сны. Он поднимался по длинной крутой лестнице, боясь оступиться, и знал, что под ним чернеет бездна, а впереди его ждет неизвестность. Он неуверенно брел во мраке, с трудом вставал на узкие ступеньки, а темнота вокруг стучалась. Вдруг наверху отворилась дверь, и Монтесума шагнул к нему с криком:

– Сюда пути нет!

Дверь захлопнулась, Монтесума исчез, а Перси, потеряв равновесие, полетел вниз. Бездна расширилась и поглотила его, а он летел все ниже и ниже, и его ужасу не было конца.

Резкий стук в дверь заставил Перси подскочить: он был все еще во власти ночного кошмара. Перси на цыпочках подошел к двери, сердце его бешено колотилось. Приглушенным голосом он спросил: «Кто там?» Неестественность происходящего указывала на то, что сон продолжается, и ему казалось, что дверь сейчас откроется, и он увидит нечто ужасное. К его величайшему удивлению, голос из-за двери спокойно ответил:

– Это я, Рутений.

Рутения Перси не видел со дня их знакомства ни разу. Хотя они занимались по сути одним делом, они никогда не встречались, потому Перси решил, что ошибся или спит.

Перси вышел, остановился на пороге и, прижав палец к губам, прошептал:

– Не кричите, Рутений, моя жена спит. Зачем Вы пришли?

– Нам нужно поговорить, Перси, и как можно скорее.

Перси даже не скрывал своего недовольства.

– Неужели нельзя выбрать более удобное время? Зачем Вы разбудили меня?

– Мне нужно сообщить Вам все, что я считаю нужным, этой ночью. Другой такой возможности не представится.

Перси рассердился еще больше.

– Я не намерен впускать Вас к себе. Я не собираюсь будить жену и просить ее выйти ради нашего бесценного разговора.

– Мы можем зайти ко мне, Перси, моей жене мы не помешаем.

Недружелюбный и презрительный тон Рутения с каждой минутой все больше отталкивал Перси. Он уже собирался ответить, что хочет спать, но передумал и пошел к нему.

Рутений спокойно ввел Перси в свою спальню.

– Заходите и располагайтесь. Я не задержу Вас надолго.

Перси искал глазами стул. В комнате почти не было мебели, если не считать огромной просторной кровати, на которой, словно королева, лежала, раскинув руки, жена Рутения, и маленького диванчика в углу, покрытого ковриком: на нем спала хорошенькая девочка лет семи-восьми, дочь Рутения.

Перси остановился в нерешительности, не зная, куда сесть. Рутений указал ему на место на кровати рядом с женой.

– Не стесняйтесь. Чувствуйте себя как дома. Можете отодвинуть ее, если места мало – Фрэнси не обидится.

Перси сел на краешек кровати, стараясь не смотреть на Фрэнси – она приковывала взгляд. Ее глаза были прикрыты густой тенью пушистых ресниц, на губах играла легкая улыбка, придававшая ей еще более загадочный и чарующий вид; черные волосы мягкими завитками лежали на одеяле. «Какая красавица, – подумал Перси. – Она ведь гораздо красивее Нинисель», и ужаснулся собственным мыслям: как он мог так забыть! Уж не за этим ли его позвал Рутений?

Рутений улыбался, видя смущение Перси. Казалось, эта сцена его забавляет, и он не может решиться прервать развлечение. Первым пришел в себя Перси.

– Зачем вы меня звали? Говорите скорее, я устал и хочу спать.

– Дело в том, что мне нужно обсудить с Вами несколько деликатных вопросов, о которых кричать в коридоре не хочется. Во-первых, я хочу предупредить Вас о завтрашнем дне.

Перси похолодел. «Неужели все знают наш план?» – в ужасе подумал он, но последующие слова Рутения развеяли его подозрения.

– Я знаю, о чем с Вами будет говорить Монтесума. Он уступил просьбе Нобелия и отправит Вас к нему познакомиться. Так вот, не вздумайте ему что-нибудь советовать или посвящать его в свои личные дела. Этот человек никогда не станет нашим другом, поэтому будьте с ним

крайне осторожны. Все остальное Вы услышите от вождя, а я коснусь другого деликатного вопроса: Перси, скажите, это правда, что у Вас тайная организация?

Перси растерялся.

– Откуда Вы это взяли?

– Слухами земля полнится. Я в принципе хорошо отношусь к Вам, Перси, и ничего не имею против того, чтобы Вы с друзьями вместе защищались от Гольмия... Вопрос в другом: каковы еще ваши цели и задачи?

– Это Вас не касается, – холодно ответил Перси. – Вы для этого меня и звали?

– Мне кажется, стоит Вас предупредить. Я догадываюсь о многом, например, о том, что Вы мечтаете стать вождем вместо Монтесумы.

– Что?

– Не притворяйтесь. Я Вас не выдам, но имейте в виду: с этого момента наши пути расходятся. Я никогда не поддержу Вас в этом.

Перси перевел взгляд на Фрэнси – она продолжала соблазнительно улыбаться. «Все здесь такое пошлое и лживое, – подумал Перси. – Весь их маленький мирок, который не скрывают от посторонних глаз, а наоборот, выставляют напоказ. И еще мне очень интересно, отчего все, кроме меня, знают, чего я хочу достичь?»

– Я не вполне понимаю, о чем Вы говорите.

– Я никогда не предаю Монтесуму. Он возвысил меня, я многим обязан ему, поэтому на Вашу сторону, Перси, я никогда не стану.

– Значит, Вы хотели предупредить, что становитесь моим врагом? – голос Перси постепенно перешел в крик.

Томный голос прервал беседу.

– Что случилось, Рутений? – Фрэнси потянулась и натянула одеяло повыше. – У тебя гости?

Перси вскочил с кровати и выбежал из комнаты.

– Пока мы еще не враги, и я считаю своим долгом дать Вам совет, – сказал Рутений, выходя и закрывая за собой дверь. – Не кричите по пустякам, ведь крик – признак слабости. Вас перестанут уважать, а вождю следует быть более сдержанным.

Кстати, пока Вы еще не ушли, я скажу еще кое-что: судя по слухам, Вам верны далеко не все.

– Это не Ваше дело, как и все остальное, о чем мы сейчас говорили. Спокойной ночи.

– Это не мое дело, – согласился Рутений, – но я решил высказать Вам все, не знаю, зачем. Надеюсь, мои советы помогут Вам.

– Замолчите, пока я Вас не ударил!

Перси вернулся к себе уставшим и расстроенным, и, увидев безмятежно спящую Нинисель, разозлился еще больше. «Спит как сурок и ни о чем не заботится, а я вот теперь точно не усну. Нобелий... тот самый, о ком говорили ночью вождь и Рутений, да еще маскарад Лоуренсия... Однако уснул почти сразу и крепко проспал до утра без сновидений.

Проснулся Перси поздно. Уже давно рассвело, на столе его ждал завтрак, а Нинисель, уже одетая, перебирала ему волосы.

– Который час? Так поздно! Я ведь опоздаю к Монтесуме.

Наскоро перекусив, он добежал до кабинета вождя и, задыхаясь от волнения и бега, появился на пороге на полчаса позже обычного.

– Прошу прощения, сэр, я проспал.

– Кажется, пришло время познакомить Вас с одним интересным человеком, Нобелием, философом и моим приближенным. Не буду описывать его, составьте свое мнение, а потом обменяемся впечатлениями.

– Хорошо, сэр.

– А когда вернетесь, приступайте к своим повседневным обязанностям.

Они вдвоем вышли из кабинета, и Монтесума провел Перси в незнакомый коридор с низким немного облупившимся потолком и давно не крашеными стенами. Монтесума приоткрыл дверь в большую просторную комнату, немного напомнившую Перси кабинет вождя, и со словами: «Принимайте гостя, Нобелий» ввел Перси и оставил их одних.

Перси не раз слышал о Нобелии и уже составил о нем определенное представление, однако он оказался совершенно не таким. Перед ним на высоком стуле сидел худошавый старик с коротко подстриженной бородой и длинными белыми волосами, пронизательный взгляд его небесно-голубых глаз пронизывал Перси насквозь. С минуту он молчал, внимательно изучая прибывшего, и Перси с трудом старался побороть дрожь.

– Не бойся, – внезапно сказал он, – страх – плохой союзник.

От удивления Перси не сразу ответил, между тем философ продолжал:

– Я давно хотел посмотреть на тебя, чтобы узнать, изменился ли вкус нашего дорогого вождя. Признаться, на этот раз я делаю вывод в его пользу. Подойди ближе, не робей, я не Монтесума и не посажу тебя за решетку. Вижу, что ты юн, неопытен, кроме того, не уверен в выборе жизненного пути. Но при этом ты неглуп, я читаю в твоих глазах ум и недоверие – bravo, Монтесума! В том, что тебя так рано приблизили к власти, есть какой-то смысл, но я пока не могу сказать, какой. Итак, теперь можно поговорить серьезно: чего ты хочешь добиться?

– Я... – покачал головой Перси.

– Ты мне не доверяешь и правильно делаешь. И Монтесуме не верь и никогда не рассказывай ему о своих истинных намерениях, хотя и молчать не к чему. Тут нужно проявить фантазию и смекалку, но сейчас я прошу говорить откровенно: ты хочешь власти?

Голубые глаза Нобелия искрились беззвучным смехом.

– Власти хотят все, хотя, возможно, в твоем возрасте естественнее стремиться к любви. Ты боишься ответственности? Если нет, то перед тобой все двери открыты. Что же ты молчишь? Мы лишь беседуем, а действовать будешь ты.

– Вы хотите меня использовать?

Нобелий засмеялся и откинул назад длинные волосы.

– Ты плохо знаешь человеческую натуру.

– Я Вам не верю, Вы говорите одно и то же всем, с кем имеете дело: и Монтесуме, и Рутению, и мне. Я не стремлюсь к власти и прошу оставить меня в покое.

– Верно, мог бы говорить, но не говорю. Тебе я покровительствую. Если ты захочешь взять власть в свои руки, я помогу тебе.

– Почему Вы меня выделяете? – спросил Перси.

– У тебя больше шансов добиться успеха, чем у остальных. Монтесума слаб и недолго продержится, начнется борьба за власть. Тебя же сама судьба выделяет, не я; тебя окружают интриги и тайны, ты обладаешь всеми необходимыми качествами и мог бы добиться успеха. Конец у всего один, но прожить ты бы мог интересно. Пока ты еще неиспорчен и чист душой, но тебе стоит поучиться методам борьбы у своих врагов.

Дружбой и взаимопомощью можно приблизить 20 человек, но не тысячу – их объединяет культ и насилие.

– Зачем Вы говорите мне все это?

– Ты мне понравился, Перси, и я желаю тебе добра. По воле рока ты замешан в большую политику, и тебе уже отсюда не выбраться – она подобна джунглям, где между деревьями не видно просвета. Здесь нет нейтральной позиции: тебе предстоит либо победить, либо погибнуть. Выбирай гибель – и будь послушной овечкой, которую ведут к алтарю. Выбирай победу – и используй все средства, чтобы одолеть многочисленных врагов, старых и новых, тайных и явных, и иди вперед. Монтесума был неплохим вождем, но ты справишься лучше.

Ну что же, довольно об этом, теперь сменим тему, ведь тебе предстоит дать Монтесуме отчет о нашем разговоре. Ни слова о том, что я тебе только что рассказал – ни единой живой душе. А теперь – для общественности...

У Перси голова шла кругом от новостей. С трудом доработав до конца дня, Перси зашел к себе в комнату перед ужином и устало лег на постель. Нинисель еще не вернулась, и он мог позволить себе расслабиться и предаться размышлениям. В дверь постучали, и на пороге появился Дармштадтий.

– Да, Дармштадтий, какие новости?

– Лоуренсий, – улыбнулся вошедший, – ты не узнал меня. Вот и Гольмий поддался на обман.

Он быстро снял парик, переделся и стал постепенно превращаться в самого себя.

– Как все прошло?

– Замечательно. Проведем внеочередное собрание?

– Сначала я бы хотел обсудить с вами кое-что наедине.

Лоуренсий предложил прогуляться.

– Я знаю одно прекрасное место, очень подходящее для серьезных разговоров.

Лоуренсий, Лютеций и Перси вышли из пещеры, но направились не в лес, а в противоположную сторону, и вскоре увидели каменный грот, за которым начинался скалистый берег моря.

Море было огромным, диким и пугающим. Грохот волн звучал в ушах как призыв к борьбе; равномерный гул прилива располагал к размышлениям. Друзья сели на камни на берегу и стали смотреть на пенящуюся воду. Лоуренсий рисовал, Лютеций следил за волнами, а Перси слушал крики чаек и с грустью думал об утраченной навсегда безмятежности. Сам того не замечая, он постепенно успокоился; все происходящее начинало казаться ему мелким по сравнению с морем, небом и всем огромным миром, слишком просторным для человека.

– Как ты думаешь, Перси, почему Монтесума заказал мне морской пейзаж? – спросил Лоуренсий и сам ответил:

– У него беспокойно на душе. Властителя всегда одолевают сомнения в правильности принятых решений. Его мир обманчиво спокоен, а за холодным взглядом кроется столько же переживаний, как у любого из нас, только он умеет скрывать свои чувства. Искусство раскрывает душу человека, оставляет его один на один со своими сомнениями. Вождь может быть откровенен только с произведениями искусства.

Так говорил Лоуренсий, и друзья, задумавшись, слушали его. Перси чувствовал, что действительно хорошо отдохнул за вечер, и был благодарен другу за возможность забыть обо всем и расслабиться.

– Мы можем часто ходить сюда, если тебе здесь понравилось.

После ужина Перси провел собрание и для начала дал слово Лоуренсию.

– Итак, Гольмий, к большому сожалению, не предложил мне стать шпионом, но он осторожно попытался выяснить численность нашей организации и ее состав.

Я, конечно, ничего не сказал, вернее, сильно его дезинформировал, но вот то, что я видел... Во-первых, у него вдвое больше союзников, а во-вторых, он однозначно будет стараться привлечь на свою сторону и наших союзников, потому хочу сразу вас всех предупредить: ни в коем случае не давайте Гольмию понять, что разгадали его план. Будьте осторожны и сразу сообщайте обо всем Перси. Помните: Гольмий не ценит людей. В его руках вы будете лишь игрушкой. Перси, тебе слово.

Только после собрания Перси вспомнил о Нинисель и удивился ее отсутствию. Обеспокоенный, Перси пошел на поиски в женскую комнату.

На пороге Перси остановился в нерешительности. Внезапно дверь открылась и на пороге появилась Фрэнси. Красавица жеманно улыбнулась, обнажая прелестные ровные зубы, а Перси вспыхнул, вспомнив посещение Рутения. Фрэнси, казалось, радовалась его неловкости; кокетливо касаясь его руки, она спросила:

- Ты ищешь Нинисель? Ее там нет. И вообще все давно разошлись.
- А где же она? – но, встретив понимающий взгляд Фрэнси, не сдержался:
- Меня не интересует, что Вы и Ваш муж думаете об этом.

Фрэнси чуть помедлила, игриво взмахнула ресницами и исчезла в глубине коридора, а Перси, раздосадованный, вернулся к себе. Вскоре пришла и Нинисель, усталая и взволнованная, держа на руках новорожденного ребенка.

– Перси, послушай, подруга попросила меня взять ее ребенка. Пожалуйста, не отказывайся принять его. У меня ведь тоже скоро родится дитя, и мы воспитаем их вдвоем.

– Хорошо, пусть будет по-твоему, – Перси с недоумением взглянул на малыша. – Мальчик?

- Она просила назвать его Кларком.
- А кто отец ребенка?
- Не знаю, Лиззи не называет его имени, это тайна.
- И тем не менее мы должны брать на воспитание чужого ребенка...

Но Нинисель так трогательно умоляла его оставить малыша у себя, что Перси уступил. «Если Нинисель родит дочь, назовем ее Джули. Получится красивая пара – Кларк и Джули».

В тот день утром после завтрака Нинисель отправилась проведать Элизабет. Она уже давно не выходила из комнаты, и Нинисель часто проводила у подруги по несколько часов. Однако сегодня вместо обычного приветствия ее встретил такой знакомый всем женщинам стон.

- Лиззи!
- Нинисель, как я рада, что ты пришла. Позови врача и побудь со мной, пожалуйста.

Нинисель осталась с ней и первой взяла на руки крепкого малыша, которого Элизабет попросила назвать Кларком.

Сомнения стали появляться лишь на следующее утро.

– Послушай, Нинисель, а как мы будем скрывать существование ребенка? – спросил Перси.

– Я думала об этом... У меня тоже скоро родится малыш, скажем, что я родила двойняшек.

- Еще не скоро. А до этого?
- Я останусь здесь, с малышом, а Элизабет скажет, что я не совсем здорова.

Пери покачал головой. «Сами себе создаем лишние трудности, – подумал он, – разве мало у нас своих забот! И теперь я не смогу проводить здесь собрания, значит, нужно придумать еще и другое место для встреч».

В тот день, придя на работу, Перси с удивлением заметил в кабинете Монтесумы Рутения. «Если нам предстоит совместная работа, я откажусь», – решил Перси. Рутений стоял напротив и насмешливо улыбался, что не укрылось от внимания вождя.

- Как вижу, вы уже знакомы, – невзначай обронил он.
- Нет, со дня знакомства мы не встречались ни разу, – возразил Рутений.

Монтесума не стал спорить, очевидно, его занимали серьезные размышления.

– Впрочем, совершенно неважно, хорошо ли вы знаете друг друга, я не собираюсь вмешиваться в ваши отношения. Сегодня я собираюсь показать вам нечто очень важное, следуйте за мной и не задавайте вопросов.

Они вышли из кабинета и отправились в длинный извилистый коридор, затем вышли к лестнице и стали спускаться вниз.

– Перед вами откроются тайны нашего могущества. Я покажу вам то, о чем никто из вас никогда не подозревал, но помните: государственная тайна должна храниться в строжайшем секрете. Если я узнаю, что один из вас рассказал об увиденном хоть единой живой душе, – Монтесума понизил голос и многозначительно взглянул на Перси. – Лучше не думать о том, что тогда ждет вас.

– Зачем же тогда Вы открываете нам тайну? – спросил Рутений, и в его голосе Перси услышал одновременно и насмешку, и понимание.

– Я доверяю вам обоим, мне кажется, вы заслужили право знать правду. И, надеюсь, вам еще дорога жизнь, и вы не станете выдавать тайну.

– Понимаю, – склонил голову Рутений. Перси промолчал. Он с каждой минутой все больше проникался уверенностью, что перед ним разыгрывают продуманный спектакль, где у всех давно распределены роли; вероятно, Монтесума и Рутений давно обо всем договорились. И все же Перси не мог не поддаться приятному чувству собственной значимости и силы: ему доверяют важную государственную тайну, которую нужно держать в строжайшем секрете. Разумеется, он не сдержит обещания и расскажет обо всем друзьям, и, более того, воспользуется тем, что узнает. «У меня наконец появится большое преимущество перед Гольмием», – с нескрываемой радостью подумал Перси.

Они шли по длинным плохо освещенным коридорам, спускались и поднимались по лестницам, эскалаторам, ехали в лифтах и наконец очутились в огромном темном подземелье. В первый момент у Перси закружилась голова, и он схватился за стену, чтобы не упасть; рука тотчас покрылась густым слоем пыли.

– Мы находимся на большой глубине под землей. С непривычки закружилась голова? Не волнуйтесь, это сейчас пройдет. Через пару минут мы войдем.

«Приготовьтесь увидеть наше главное оружие, главную защиту, – прошептал Рутений. – На Вашем месте я бы все-таки не стал никому рассказывать о его существовании».

Монтесума знаком предложил войти. Из-за двери пахло сыростью, раздалось гудение сотни приборов, повсюду мигали экраны с изображениями странных геометрических фигур, и все было опутано проводами.

– Вот здесь... здесь хранятся главные секреты нашего могущества. Сложнейшей техникой управляют двое: главный инженер Осмий и главный механик Фермий. А вот и Осмий, сейчас он представит нам свои сокровища.

Низенький коренастый человек приблизился к ним, потирая руки.

– Доброе утро, сэр, рад Вас видеть. И Рутений здесь, отлично! А как зовут молодого человека, для которого я провожу экскурсию?

– Перси.

– Отлично. Смотрите внимательно: конечно, вся эта сложная аппаратура предназначена для опытного специалиста, но в его руках она может стать страшным оружием.

Осмий долго рассказывал о разнообразных возможностях техники, о хитрых приспособлениях для упрощения работы и сложных расчетах при ее использовании. Перси слушал, затаив дыхание. Воображение рисовало ему новые и новые картины: о, какие блестящие возможности открылись бы перед тем, кто завладел секретом! И ведь теперь он знает его, он, а не Гольмий! Видя, что Монтесума искоса поглядывает на него, да и Рутений не сводит глаз, Перси старался не выдавать охвативших его чувств. Он с безразличным видом слушал Осмия, изредка кивал, чтобы не показаться невежливым, и, когда экскурсия закончилась, заставил себя сказать: «Да, все это очень важно и интересно, но слишком сложно для понимания. Боюсь, я никогда не смогу по-настоящему разобраться в этом». Перси показалось, что Монтесума вздохнул с облегчением. Но, возможно, ему действительно показалось.

Перси рассказал обо всем друзьям, как только представилась удобная возможность. Лоуренсий отправился на морской берег рисовать и позвал друзей составить ему компанию.

– Еще нам придется сменить место встречи. Насколько я понял, к тебе теперь приходится неудобно, – сказал Лоуренсий. – Кроме того, думаю, это окажется весьма полезным для конспирации.

– Можно собираться у меня, – предложил Лютеций. – Я живу один, и собрания нисколько меня не стеснят.

Перси с нетерпением ждал новой встречи с Нобелием, но вождь старательно избегал этой темы. Он вообще не упоминал имени философа и больше не возвращался к разговору об оружии и подземелье, вместо того Перси разбирал его бумаги, отвечал на деловые письма и ставил свою подпись на документах. Рутения он больше не видел, ничего не происходило; Перси понимал, что судьба милостиво предоставила ему короткую передышку перед боем, и не ошибался.

Месяца через три у Нинисель родилась долгожданная дочь, которую они назвали Джули, как планировали. Теперь Нинисель могла снова появиться в женской комнате и смело объявить, что родила двойняшек. Еще месяц прошел тихо, и вот настал день, когда Перси услышал желанные слова.

– Кстати, Перси, Нобелий хотел Вас видеть, – как бы невзначай заметил Монтесума, но Перси понимал, что произошло событие огромной важности. – Не представляю, зачем Вы ему понадобились, вероятно, хочет передать мне совет через Вас. В последнее время он часто стал так делать.

Перси похолодел. Значит, Нобелий регулярно встречался с Рутением – двуличный старик!

– Зайдите к нему завтра после работы, Перси.

– Конечно, сэр.

Уже стемнело, когда Перси вышел из спальни и отправился к Лютецию на собрание. В пещере давно погасили свет, оставив приятный для глаз полумрак. Перси шел не спеша в глубокой задумчивости, собираясь с мыслями перед собранием, когда перед ним мелькнули две тени. Перси поспешно отступил и спрятался за углом, и вовремя: мимо прошли двое, так поглощенные разговором, что даже не смотрели по сторонам. Одним из них был Гольмий, в другом, к своему величайшему изумлению, Перси узнал Плутония, одного из своих союзников. Он не услышал всего, о чем они говорили, но отдельные слова «узнаю»... «приду»... «тема собрания» насторожили его. Внезапно Гольмий остановился и громко сказал, обратившись к своему спутнику:

– Итак, я жду тебя завтра. Расскажешь все о собрании. И никому ни слова, разумеется.

Перси замер на месте. Первой мыслью было желание подойти к ним и высказать врагу и предателю все, что он о них думает, в лицо, но он насилу удержался и остановился посмотреть, что будет дальше. Но Гольмий уже прощался с Плутонием, и вскоре они ушли, оставив Перси дрожащим от гнева и нетерпения в пустом коридоре.

Спустя несколько минут Перси, задыхаясь, пересказывал Лоуренсию увиденную сцену.

– Тише, друг, успокойся, пожалуйста, и выслушай меня.

– Плутоний – предатель! Он шпион, я всегда подозревал его, с того дня, когда он начал критиковать мои действия! Его!

– У тебя великолепная память, Перси, но, боюсь, ты слишком горяч и нетерпелив. Присядь и послушай, что я тебе скажу.

– Но нужно же принять какие-то меры! – кричал Перси.

– Мы сейчас же примем меры. Во-первых, отменим сегодняшнее собрание – ты слишком взволнован и не сможешь говорить спокойно, что теперь особенно важно. Во-вторых, нужно поговорить с Плутонием наедине и вообще разобраться в этой истории.

– Завтра я встречаюсь с Нобелием, – сказал вдруг Перси.

– Прекрасно, тогда займемся Плутонием после. Иди к себе, отдохни и успокойся, а я оповещу союзников об отмене собрания.

– Вы спрашиваете, верю ли я в наивность Перси? Думаю, он не способен разгадать хитрость или раскрыть заговор, но у него умные друзья, которых невозможно провести.

Гольмий сидел на полу в своей комнате, Блотон и Уилви заняли места на кровати.

– Перси – такой амбициозный дурачок, которого заставили решать стратегические вопросы. Не думаю, что он смог бы противостоять нам в одиночку. Ничего, я уверен, что скоро у нас появятся могущественные союзники, и мы сможем одержать окончательную победу.

– Плутоний? – спросил Уилви.

– Нет, я не рассчитываю на него всерьез. Так, знаете, игра, шутка, своеобразное оскорбление Перси. Не правда ли, это было гениально – так удачно использовать случай?

Я почти горжусь своей выдумкой. А маскарад Дармштадтия, как он вам?

– Разве Дармштадтий не наш новый союзник? – удивился Блотон.

Гольмий презрительно рассмеялся.

– Великолепно сыгранная роль. Ни на секунду не сомневаюсь в его преданности Перси. Да разве стал бы человек так открыто изображать верность мне после одного единственного пригласительного письма? Чтобы не потребовалось ни угроз, ни подкупа... Нет, всего лишь игра, но очень убедительная.

– Зачем же мы его звали?

– Когда я писал письмо, постоянно представлял себе сцену: Дармштадтий возвращается к Перси и рассказывает ему обо всем. Какое могущество, какая армия, какая сила и сплоченность! Признаюсь, меня бы подобное впечатлило. Даю ему шанс уйти с миром.

Теперь дело для тебя, Уилви: ты должен заманить сюда Перси, но разговаривать мы будем без свидетелей. Пора врагам пожать друг другу руки и начать честную игру, но по нашим правилам. Не забудь передать ему все это.

Услышав об отмене собрания, Плутоний испытал двойственное чувство облегчения и разочарования: он готовился к собранию, но все же так и не решил, на чьей он стороне. Слова Гольмия звучали так убедительно, он обещал щедрое вознаграждение, но ведь это противоречит тому, как описал врага Перси. И, хотя Гольмий произвел на него более благоприятное впечатление, некоторые сомнения остались, и Плутоний очень обрадовался тому, что время принятия окончательного решения откладывалось.

Плутоний возвращался домой, размышляя, как ему лучше поступить. Посоветоваться ему было не с кем: он недавно развелся с женой после бурных объяснений, скандалов и нескольких ночей, проведенных у друзей, и теперь собирался жениться на Эрлине, ему оставалось только получить одобрение вождя, но обсуждать дела с Эрлиной так же бессмысленно, как с двухлетним ребенком. Вряд ли она могла сказать ему что-то большее, чем «ты такой умный и сильный, тебе все по плечу. Ты непременно найдешь выход, дорогой».

Плутоний зашел в комнату и включил свет. Он уже почти успокоился и решил, что не давал никому серьезных обещаний и в любой момент может забрать свои слова обратно. Плутоний закрыл дверь и вдруг заметил на кровати записку. «Это Эрлина, присылает очередное признание в любви. Удивительно, как она любит разные сентиментальные записочки!» Плутоний развернул листок, но писала не Эрлина.

«Готов поклясться, что сегодня Вы перешли на сторону Гольмия. Если все, что я сегодня слышал и видел, правда, то отныне мы навсегда станем врагами. Я никогда не прощаю

предателей, поэтому не рассчитывайте на снисхождение. Можете не пытаться отрицать или оправдываться: я видел Вас и слышал каждое слово разговора с Гольмием. Теперь Ваша судьба в моих руках. Завтра утром я иду к Монтесуме и рассказываю правду, тогда Вас ждет жестокое наказание. Я ничего не скрою, и Вы поплатитесь за предательство. Вождь, как и я, ничего не прощает и не забывает.

Перси»

Записка дрожала в руках у Плутония. Он прочитал ее трижды, силясь увидеть хоть какую-то надежду. «Предатель, предатель», – стучало у него в висках. Всего лишь одно слово – и вот уже его ждет страшная кара. В мучительной безысходности Плутоний положил записку в карман и начал ходить по комнате. Он так разволновался и испугался, что даже не заметил некоторых несоответствий в записке: ведь их организация была тайной, и Монтесума не мог знать о ее существовании, а значит, не мог и наказать Плутония. Возможно, в более спокойном состоянии он бы удивился и не стал придавать записке такого значения.

В совершеннейшем отчаянии Плутоний решил на самое для него страшное. «Нужно пойти к Перси. Поговорю с ним, объясню ситуацию. Он должен понять и простить меня».

Перси не спал; он ждал Плутония и, услышав стук в дверь, тотчас вышел.

– К сожалению, моя жена уже легла, поэтому я не смогу принять Вас в комнате.

– Перси, пожалуйста, я сейчас все объясню. Произошла ошибка, – от волнения Плутоний путал слова и говорил сбивчиво.

– Уже поздно что-то объяснять и оправдываться, я не желаю Вас слушать. Завтра о Вашем предательстве все узнают, впрочем, если хотите, могу отвести Вас к вождю прямо сейчас.

– Перси, умоляю, простите меня. Я ошибся.

– За ошибки надо платить. Я не прощаю предательства.

– Такого больше не повторится!

– Надеюсь.

Перси закрыл дверь, но долго еще до него доносились стоны и крики.

– Кто там? – спросила Нинисель.

– Пустяки, ничего серьезного. Забудь, я с тобой.

Но даже страстные поцелуи Нинисель и ее жаркие объятия не могли согреть Перси – его руки оставались холодны, как лед.

А Плутоний еще немного постоял рядом с комнатой, все еще смутно надеясь на чудо. Вдруг дверь сейчас откроется, Перси выйдет и скажет, что передумал и прощает его. А он пообещает впредь хранить ему верность! Но никто не выходил, и страшное осознание неизбежной кары привело Плутония в ужас. Он в растерянности стоял, не зная, что ему делать. Идти к другим союзникам, просить заступиться? Нет, над ним либо посмеются, либо скажут, что он получил по заслугам, и будут в сущности правы.

Оставался лишь один выход: идти к Гольмию.

Но Гольмий в ту ночь не ночевал у себя. Никто не знал, что у него назначено свидание с Элизабет, и Плутоний, постучав и не получив ответа, решил, что Гольмий тоже не хочет принимать его.

Последним Плутоний постучался к Уилви. Полусонный, зевая и потягиваясь, он недовольно спросил:

– Плутоний? Зачем пришел?

– Помогите, Перси узнал обо всем и прогнал меня, он грозит отдать меня в руки правосудия. Теперь я в вашей власти.

– И что же я должен сделать? Иди к Гольмию и скули, как щенок, проси принять.

– Он не открыл дверь.

– Тогда возвращайся к себе. Если Гольмий в тебе не нуждается, то я и подавно.

Уилви расхохотался и закрыл дверь, лишив несчастного последней надежды. Как во сне, Плутоний вернулся к себе в комнату, сел на кровать и долго сидел, не шевелясь, в каком-то оцепенении, потом медленно встал, включил свет и вынул пакет, перевязанный ленточкой. Он хранил в нем любовные записки Эрлины и теперь с сожалением смотрел на смятые листы – они тоже не могли помочь ему, ничто не могло помочь. Плутоний перечел записки, потом аккуратно порвал их и бросил в конверт. На одном из клочков он торопливо написал: «Я уйду из жизни добровольно. Прощайте», затем выключил свет и вышел из комнаты.

Он крался как тень, боясь увидеть человеческую фигуру и вместе с тем страстно желая этой встречи. Кажется, если бы он увидел охранника, или молодую пару, гулявшую поздно ночью, или даже ребенка – хотя бы одного человека – он бы повернул обратно. Но двор был пустынным, а ночь – тихой и темной.

На морском берегу царил безмолвие. Волны однообразно шумели, ударяясь о берег, и луна равномерно освещала водную гладь. Неторопливо, ничем не нарушая покоя природы, к самому краю берега подошел человек. Равнодушно улыбаясь, он протянул руки к морю, но внезапно, словно вспомнив о чем-то важном, вынул из кармана записку и разорвал ее на мелкие кусочки.

– Вот так, вот ничего и не было, – удовлетворенно прошептал он.

Ничто не нарушало ночного безмолвия, только вдруг раздался одинокий всплеск, да по волнам проплыли, увлекаемые бурным потоком, клочки бумаги – они уносили в неизвестность обрывки слов «измена», «предатель» и «никогда не прощу».

– Вы сегодня выглядите нездоровым, Перси, – заметил Монтесума следующим утром.

– Все в порядке, сэр, жена плохо спала ночью.

Монтесума кивнул.

– Пишите. Составляйте акт о смерти, потом проверьте все документы и внесите нужные поправки. Итак, Плутоний. Тело было найдено на берегу моря, его вынесло прибоем.

Он покончил с собой. Да что с Вами?

– Все в порядке, сэр, просто я потрясен. Так неожиданно!

– Да, более чем. Кажется, у него осталась невеста или любовница, поговорите с ней, утешьте в горе.

Перси писал и думал о Плутонии. Вчерашний вечер казался ему нереальным сном. Всего лишь одно слово – и не стало человека...

Записка! Перси запоздало вспомнил о ней. Если этот злосчастный клочок бумаги попадет в руки вождя, он погиб.

– Что же мне теперь делать, Лоуренсий? – спросил он друга, встретив его в коридоре.

– Остается только надеяться, что Плутоний уничтожил его. Раз он покончил с собой, наверняка хотел уничтожить все следы. Вот сейчас мы и узнаем, везет ли нам по-настоящему.

– Да...

Перси с трудом удерживал нервную дрожь. «Никогда больше не буду писать записок, – подумал он, – лучше передать человеку все на словах. Если только, конечно, мне придется вообще когда-либо еще говорить с союзниками или врагами».

– Все же, мне кажется, ты обошелся с ним слишком жестоко, – заметил Лоуренсий. – Можно было дать человеку шанс.

– Я не прощаю предателей, и не говори, что власть меня изменила. Мне пора, я опоздаю к Нобелию.

– Зачем Вы хотели меня видеть?

Нобелий встретил Перси довольно приветливо, но, увидев в его глазах столько тревоги и настороженности, невольно рассмеялся.

– Да я тебя не узнаю. Перси, какая радикальная перемена! Прошел боевое крещение?

– Говорите, зачем Вы меня звали.

– Нам некуда спешить, присядем и поговорим спокойно.

– Вождь сказал, что Вы хотели передать ему что-то.

– Ах, это – Нобелий недовольно потянулся. – Зачем начинать нашу интересную беседу с такого приземленного предмета? Вот, возьми письмо, здесь все изложено.

– Оно не запечатано? – Перси приподнял бровь.

– Как видишь, я от тебя ничего не скрываю. Можешь прочесть письмо, прежде чем отдавать его вождю.

– Я не читаю чужих писем, – с презрением ответил Перси.

– А зря. Иногда можно раскрыть некоторые тайны, только читая чужую переписку. Однако перейдем к делу: я уже говорил, что ты неглуп, в меру честолюбив и смел. Тебе не хватает лишь сдержанности, а в остальном ты почти идеальный вождь. Доверься мне, Перси, отрекись от честности, верности и любви, и я приведу тебя к власти.

– В свое время Вы так же уговаривали Монтесуму? – спросил после непродолжительного колебания Перси.

Нобелий рассмеялся.

– Не совсем. Запомни, Перси, я не друг Монтесумы или Гольмия, или кого-либо еще. Вы, люди, всего лишь пешки, а я всегда на стороне победы. Монтесума обречен: власть из его рук должен принять достойный кандидат – умный и смелый.

Перси встал.

– Хорошо, я согласен на Вашу помощь. На каких условиях?

– Мне не нужна прямая выгода, я веду свою игру. Сражайся до конца и научись переступать через дружбу, любовь и, самое главное, через себя, тогда ты станешь великим. Наш наивный Монтесума показал тебе оружие, думая, что ты останешься с ним до конца...

– Так Вы знаете про оружие? – с нескрываемым интересом спросил Перси.

Философ театрально откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

– Есть вещи, которые не нужно видеть, чтобы знать об их существовании. Я достаточно стар и опытен, Перси, чтобы о многом догадываться. Когда ты наконец станешь вождем, я подробнее расскажу тебе, как я играю в «судьбы мира». Так, например, я могу предсказать, когда настанет конец света – нет, не конец бытия, мир вечен, а день, когда погибнет наше племя. Но сейчас не стану огорчать тебя накануне блистательной победы, тебе предстоит пережить еще много интересного. Время, как и все, относительно – мне осталось совсем немного, а ты сможешь прожить долгую насыщенную жизнь. Ступай, Перси, я буду иногда присылать за тобой.

Перси уже подошел к двери, как вдруг ему вспомнились невзначай брошенные вождем слова, и он спросил:

– И все же Вы передаете свои сведения вождю через Рутения? То есть беседуете с ним так же, как сейчас со мной, и сраживаете нас?

– Нет, я никогда не разговаривал с Рутением и видел его всего лишь раз в жизни, – спокойно и невозмутимо ответил Нобелий, но Перси знал, что на этот раз поймал его на лжи.

После разговора с философом Перси почувствовал себя таким уставшим от интриг и обманов, что на долю секунды захотел вернуться назад и обо всем забыть: о Гольмии, об их вражде, о честолюбивых планах – вернуться к обычной размеренной жизни без забот и печалей. Вместе с тем он понимал, что пути назад нет: он сам перерезал нить связи с прошлым разговором с Плутонием.

О Плутонии Перси не мог думать без мучительной боли. Когда прошло время постоянного страха за свою жизнь, он стал чаще вспоминать их роковой разговор, слезы в голосе предателя, свой суровый тон. Перед ним, как наяву, вставало лицо бывшего союзника, искаженное

нечеловеческим страданием. «Простите меня, сэ, я ошибся! Такого больше не повторится!» Нинисель замечала, что он плохо спит по ночам и терзается тайной мукой, но расспрашивать его она не решалась. Забота о Кларке и Джули отнимала много сил и времени, а по ночам он так сильно обнимал ее, будто хотел передать ей часть своей боли и разделить невыносимое страдание.

«Дальше – больше, – все чаще стал думать Перси. – Начало положено. Теперь я понимаю, почему Монтесума просил Лоуренсия рисовать море – это, пожалуй, единственное лекарство от невыносимых мыслей».

Немало пришлось испытать Перси и в разговорах с Эрлиной. Девушка не произвела на него большого впечатления; она не отличалась ни красотой, ни умом, ни изяществом, но ее искренние слезы тронули его и усилили собственную боль. Часто при виде чужой безутешной скорби начинаешь больше ценить умершего: как жалеют о его смерти, как его любили! Перси не мог найти нужных слов, не знал, как утешить подругу Плутония, в чьей смерти не без оснований винил себя. После недолгих мучительных попыток выразить ей соболезнование Перси оставил Эрлину наедине со своим горем.

Друзья старались не упоминать имени предателя, и Перси мысленно благодарил их за тактичность, но все же за месяц он совершенно измучился. На собрании, однако, собравшись с силами, Перси объявил о героической смерти Плутония, первой жертвы их великой борьбы.

– Ты должен сказать им слова ободрения, – советовал другу Лоуренсий, – правду знаем только мы, а для союзников любой погибший – доблестный воин.

Перси послушался друга, но после собрания обвинял себя в малодушии. Он хорошо понимал, что солгал не столько ради того, чтобы поддержать и укрепить дух союза, а для спасения собственного авторитета, и мысль о совершенном не переставала его мучить.

Однако, помимо запоздалого раскаяния и сожаления, Перси терзался еще и ненавистью. С каждым днем он все сильнее ненавидел своего врага, его голос, насмешливый и самоуверенный взгляд, и мечтал о мести. Пусть же настанет такой день, пусть Гольмий расплатится за все муки, которые перенес из-за него Перси. Если бы не Гольмий, Перси не пришлось бы решать судьбу Плутония, лгать, лицемерить, плести интриги. По его вине Перси стал таким жестоким, по его вине вступил в борьбу за власть, как бы ни настаивал Нобелий на его избранности и предопределенности. И все-таки мечты о мести были скорее теоретическими, Перси не строил реальных планов, а плыл по течению и ждал удобного случая.

Месяца через два рано утром, когда Перси вышел из комнаты на завтрак, он внезапно столкнулся с Уилви. От изумления Перси замер, а Уилви с сияющей улыбкой объявил:

– Перси! Зайди к нам на минутку: Гольмий хотел поговорить с тобой. Обещаю, что кровопролитий не будет.

Перси сам не знал, зачем согласился. Жгучее любопытство и ненависть слились воедино, и он пошел в стан врага, готовясь нанести ответный удар.

В комнате Гольмия Перси очутился впервые. Не без интереса он стал изучать обстановку; Гольмий жил аскетично, из мебели в комнате стояла лишь одна кровать, хотя он предпочитал спать на полу. Здесь не было никаких предметов удобства: ни стола, ни ковра на полу, только одежда пылилась в углу. Гольмий сидел на полу, скрестив ноги, увидев Перси, он встал, улыбнулся и предложил ему сесть.

– Значит, ты все же пришел? – оскалился он. – Не думал, что ты примешь приглашение. Хоть у меня здесь и не слишком удобно, да и мы едва ли станем друзьями, я приглашаю тебя сесть напротив. Ну же?

Перси остался стоять.

– Так... Предпочитаешь стоять? Твое право. В общем, позвал я тебя только для того, чтобы посмотреть в глаза. Счет 1:0, Перси. Я выиграл первое сражение, ведь Плутоний – целиком и полностью моя игра.

– Я не желаю говорить об этом.

– Напрасно. Я видел тебя, Перси, всего лишь капля везения, умелая импровизация – и нет человека.

– Лжешь! – крикнул Перси, чувствуя, как сильно забилося сердце.

– Возможно, – Гольмий склонил голову. – Не драматизируй, Перси, у тебя еще много друзей, верно? И у меня тоже. Так что пока волноваться не о чем, если только ты не захочешь принять ряд условий.

– Никогда.

– Жаль, – усмехнулся Гольмий, – твоя совесть могла бы оставаться чистой. Всего два условия, Перси, подумай.

– Ни за что.

– Даже не спросишь, чего я хочу от тебя? Предпочитаешь быть негодяем? Твой выбор, но запомни: теперь мы не просто враги. Пересчитай своих людей, Перси, а я посчитаю своих, потом поменяемся ролями. Прекрасная игра, не правда ли? Ладно, иди, думаю, мы вполне друг друга поняли. Желаю удачи.

Перси выбежал из комнаты, сдерживаясь из последних сил. «И он собирается диктовать мне свои правила? Мы еще посмотрим, кто кого». И впервые в душе Перси разгорелось страстное желание стать вождем. А почему бы и нет? Если он успешно справляется с ролью главного среди союзников, то может получить и большую власть. Зато он мог бы ни с кем не считаться, получил бы наконец законное право разделаться с Гольмием, прекратить его издевательства и доказать заклятым врагам, что он достоин большего, чем они.

По дороге домой после собрания Перси размышлял, как ему привлечь на свою сторону больше союзников. «Если начнется серьезная борьба за власть, понадобятся верные люди, те, кто готов ради победы пойти на смерть, такие, как Дармштадтий и Палладий, те, кто будут выполнять любые поручения, не раздумывая, и сражаться со мной до конца. И где я найду таких людей? Откуда берет их Гольмий, как вербует?» Впервые Перси подумал про своего врага не со слепой ненавистью, а с интересом. Зачем ему власть? Он спит на голом полу, довольствуется малым и добровольно отказывается от всех материальных благ. К чему он стремится? Для чего развязывает борьбу?

В комнате уже горел свет, и Перси с облегчением подумал о Нинисель. В последнее время только с ней он мог расслабиться и наслаждаться покоем. Она не расспрашивала мужа, всегда принимала его уставшим, раздосадованным или измученным делами и своей совестью и неизменно дарила ему тепло и ласку. Безмятежно улыбаясь, Перси открыл дверь и вошел.

Услышав, как хлопнула дверь, Гольмий встал.

– С возвращением, – презрительно улыбнулся он и прошел мимо Перси, пользуясь его замешательством. – Мы с твоей женой прекрасно провели время, но теперь я оставляю вас одних. Хорошего отдыха.

Ловко увернувшись от удара, Гольмий выбежал за дверь, Перси, задыхаясь от бессильной ярости, собирался догнать врага, но его удержала Нинисель.

– Перси, дорогой! – она залилась слезами и села на кровать.

– Он издевался, оскорблял тебя? Негодяй, я убью его.

Перси снова направился к двери, но Нинисель обняла его и снова расплакалась.

– Зачем он приходил?

– Он искал тебя, – едва слышно прошептала Нинисель.

– Меня? Последний раз мы разговаривали дней пять назад, и я объяснил, что не приму его условий.

От громких голосов проснулись дети и испуганно запищали. Девушка вытерла слезы и склонилась над кроватью, а Перси вышел в коридор, решив во что бы то ни стало найти Гольмия и разобраться с ним.

Но в комнате его не оказалось. Теперь Гольмий отказался даже от кровати, и ничто, кроме смятой одежды в углу, не указывало на пребывание человека. Комнату бесполезно было даже обыскивать: ни переписки, ни украденных документов, ни тайников.

Перси толкнул ногой ворох одежды и вышел, решив вернуться к Нинисель и не тратить время на бесплодные поиски.

В дверях Перси столкнулся с Мейтнерием.

– Добрый вечер. Чем обязан?

Врач редко посещал собрания, но в его верности Перси никогда не сомневался. Немолодой человек с пронизательным взглядом и седеющими волосами поневоле внушал доверие – он не мог стать предателем.

– Нам лучше прогуляться и обсудить некоторые деликатные моменты, – сказал Мейтнерий. – Если Вы сейчас свободны...

– Как Нинисель?

– Именно она позвала меня, Перси. Не беспокойтесь, ей стало лучше, но она просила меня выяснить – как узнают разные сплетни врачи, ведь порой им открывается намного больше секретов, чем самым близким друзьям – есть ли у Гольмия любовница?

– Что? – Перси покачал головой.

– Сейчас Вам обоим будет лучше отдохнуть и успокоиться. И будьте сегодня поласковее с Нинисель, не говорите ей о нашем разговоре, ведь я выдал профессиональную тайну, – улыбнулся Мейтнерий.

Когда Перси вернулся, Нинисель уже легла. Увидев его, она протянула к нему руки с таким трепетом и надеждой, что у Перси дрогнуло сердце. Он коснулся губами ее волос, прильнул к ней, чувствуя тепло ее тела и прикосновение ее нежных рук, и горячая волна любви и страсти нахлынула на него. «Ни за что на свете не отдам Нинисель этому мерзавцу. Он запятнает ее своей грязью, утопит в своей жестокости, так и не сумев полюбить по-настоящему. Нинисель моя и будет принадлежать только мне». В нем проснулось то чувство собственности, которое испытывает каждый мужчина, полюбивший женщину до безумия. «Если мне придется когда-нибудь выбирать между властью и любовью, между статусом и Нинисель, я откажусь от всех привилегий, от союзников и борьбы, но не оставлю любимую. Никогда».

Им овладело дикое чувство счастья, которое невозможно сдержать. Забылись и растворились в тумане Гольмий и Уилви, Мейтнерий и Лютеций с Лоуренсием, Нобелий и Монте-сума, Рутений и Плутоний, – ничто больше в целом мире не существовало для него, ничего, кроме Нинисель и моря, леса и солнца – огромного мира, принадлежащего им и созданного для них.

– У меня дурные новости, Перси, – предупредил за завтраком Лютеций. – Гольмий исчез.

– Это лучшая новость, которую я когда-либо получал, – возразил Перси. – Неужели пришло время спокойной жизни?

– На твоём месте я бы не был так спокоен, – Лютеций понизил голос. – Если он уйдет из племени, мы потеряем над ним контроль.

– Меньше забот.

– А ты не думал, что может уйти к нашим врагам?

– К Уилви и Блотону в комнату?

– К политическим врагам. В чужое племя, например.

Об этом Перси действительно не думал.

– А откуда вы узнали об этом?

– Лоуренсий сказал, это тайна. Если он соединит своих союзников с нашими общими врагами...

– То он государственный преступник, – закончил Перси.

– То нам его не победить, – серьезно возразил Лютеций.

– Это должно заботить уже не нас, а Монтесуму.

– Об этом говорить здесь не стоит, обсуди позже. Положение очень серьезное. Разве ты не замечал отсутствия врагов в течение нескольких дней? Лоуренсий говорит, они ушли из племени дней десять назад.

– Сразу после нашего разговора, – растерянно прошептал Перси.

За столик сел Лоуренсий.

– Смотрите на вождя, только следите за ним так, чтобы он ничего не заподозрил.

Монтесума ходил вокруг столов, спокойный и невозмутимый, как обычно. Он искоса бросал взгляды на членов племени, и на его бесстрастном лице не отражалось и тени задумчивости, тревоги или радости. Вождь слегка кивнул Перси и Рутению, почтительно склонил голову перед Нобелием и продолжил свой утренний обход.

– Он знает про Гольмия, – низко склонившись над столом, сказал Лоуренсий. – Он не смотрит в ту сторону, где они обычно сидели. Видите, он даже не поворачивает туда головы, значит, он не ждет кого-то там увидеть.

Понаблюдав за вождем, Перси согласился с другом и выразил восхищение его наблюдательности.

– Будь осторожен, – ответил Лоуренсий. – Сегодня, как мне кажется, тебя ждет непростой день на работе. Что-то должно произойти.

Лоуренсий не ошибся. Едва Перси переступил порог комнаты, Монтесума запер дверь и предложил ему сесть.

– Должен Вам сказать, несколько дней назад произошло загадочное происшествие: Гольмий и несколько его друзей ушли из племени.

Перси постарался изобразить удивление.

– Куда?

– Положение очень серьезное, поэтому скажу сразу все: он ушел в другое племя к нашим врагам.

Монтесума протянул Перси письмо.

– Я получил его сегодня от вождя соллов Гадолия. Прочтите, Перси, я не хочу скрывать от Вас опасности.

Перси развернул листок, краем глаза следя за Монтесумой, но вождь спокойно смотрел на него, и Перси начал читать.

«Вождю склифов Монтесуме от вождя соллов Гадолия.

Мое почтение, Монтесума склифский, нижайший поклон. Обстоятельства, о которых лучше не упоминать в этом письме, вынуждают меня считать наши дипломатические отношения разорванными, о чем и сообщаю ниже. В одностороннем порядке объявляю войну племени склифов. Если Вас интересует причина или Вы изъявите желание решить вопрос мирным путем, могу предложить Вам прислать одного из своих приближенных. Если Вам не страшно пожертвовать жизнью одного ради спасения всего племени, то пришлите ко мне своего человека в течение трех дней с момента получения письма, в противном случае я объявляю войну племени склифов без предупреждения и объяснения причины. В случае возобновления мирных отношений между нашими племенами я подробно объясню Вам причину нашего неожиданного разрыва. Заранее благодарю за любое решение.

Гадолийский сольский»

Перси перечел письмо несколько раз, сравнил манеру письма вождя соллов с Монтесумой. «Если бы писал Монтесума, он не допустил такой вольности, текст получился бы короче

и официальнее». Все эти мысли пронеслись у Перси в голове одновременно, оттесняя главную, пугающую свое простотой и неизбежностью, мысль. Мысль, которую он боялся озвучить

Минуты тянулись невыносимо долго, Перси чувствовал на себе пристальный взгляд вождя и все же продолжал оттягивать страшный миг. Наконец он отложил письмо и поднял глаза на Монтесуму. Вождь смотрел в пространство, и Перси вдруг увидел у него знакомое выражение суровой решительности. «Плутоний», – почему-то подумал Перси.

– Итак?

Монтесума перевел взгляд на Перси, и на долю секунды на его лице появилось человеческое выражение: сочувствие, жалость, обреченность и даже усталость от ответственности за каждое слово, за любое принятое однажды решение. Впрочем, Монтесума быстро справился с собой и снова надел холодную маску равнодушия.

– Вы еще не поняли, Перси?

О, нет, он все отлично понял. Понял, что это конец, приговор, но никак не мог решить, что сказать. Мысли путались у него в голове, стремительно пронеслись в мозгу самые безумные планы, и он молчал. Монтесума наблюдал за ним.

– Я не могу рисковать жизнью стольких людей. Война – это всегда разрушение и смерть. Племя верит мне, тысячи людей ждут моей защиты и поддержки. Они доверяют мне свои жизни и жизни своих детей. Воевать жестоко и бессмысленно, Перси, мне предлагают простой и легкий путь, нет, я не прав, он тяжелее всех остальных, но я выберу его. Будьте благородным человеком, Перси, и я клянусь, что обеспечу покой и безопасность вашей жены и детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.